

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

МСТИТЕЛЬНИЦА

АЛАСТЕР
РЕЙНОЛЬДС

Звёзды новой фантастики

Аластер Рейнольдс

Мстительница

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Рейнольдс А.

Мстительница / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-18638-5

Галактика видела, как рождаются и гибнут великие империи, как разрушаются и переделываются планеты. От ее процветающих миров человечество унаследовало лишь руины, и теперь оно вынуждено строить собственную цивилизацию из обломков чужих. Капитан Ракамор и его команда знают, где искать самые ценные обломки. Они добираются до загадочных космических объектов, спрятанных от чужих глаз, снабженных ловушками, окруженных защитными полями, и вскрывают их, чтобы добыть древние реликвии и забытые технологии. Адрана и Фура Несс отправляются в космос на борту солнечного парусника, надеясь спасти семью от банкротства. Но у капитана Ракамора хватает врагов, и в предстоящем путешествии девушек ожидают не только тайники с сокровищами... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-18638-5

© Рейнольдс А., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Часть первая. Ракамор	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Аластер Рейнольдс

Мстительница

Alastair Reynolds
REVENGER

© Н. Г. Осояну, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство АЗБУКА®

Часть первая. Ракамор

Глава 1

Адрана всегда ненавидела доктора Морсенькса. Он был врачом семейства Несс с той поры, как наши родители прилетели на Мазариль, то есть еще до моего и сестры рождения. Он видел, как мы с Адраной росли и как чума забрала нашу мать. Именно болезнь настроила моего отца против таких людей, как капитан Ракамор, поскольку мистер Несс считал, что не следует трогать вещи, которым лучше оставаться взаперти, – впрочем, насколько я знаю, никому так и не удалось доказать, что источником чумы стал один из шарльеров.

Но это не помешало отцу поддаться на уговоры и принять участие в дурацком предприятии, связанном именно с тем родом деятельности, который им не одобрялся.

Таким он был: внушаемым, способным пойти против собственных убеждений. Кульминация настала в Зале Истории, вечером ковальника, весной 1799 года. Отец отправился поглядеть, какие плоды принесли его инвестиции, и, поскольку ему хотелось произвести впечатление на богатых шишек в торговой палате Мазарилья, он взял нас обеих с собой. Нам надлежало вести себя наилучшим образом. Как полагается молодым и хорошо воспитанным леди строгих правил.

Адрана была от этого не в восторге.

– Доктор Морсенькс, – позвал отец, заметив семейного врача в нескольких столиках от нас, – не хотите присоединиться? Вы уже давно не видели Адрану и Арафуру. Взгляните, как они выросли.

Доктор приковылял к нам. Он напоминал перечницу, одевался только в черную и слишком многослойную одежду.

– Всегда рад вас видеть, мистер Несс, – сказал Морсенькс своим хриловатым, масляным голосом и коснулся рукой лба. Потом начал что-то напевать себе под нос. Он всегда выводил какой-нибудь мотив, будто заставляя собственные мысли, как один череп глушит сигнал другого. – Ваши дочери делают вам честь, – продолжил доктор, всерьез перебарщивая с лестью. – Должно быть, они большое утешение на фоне неудачной экспедиции капитана Лара. Надеюсь, ваши инвестиции не были слишком обременительны?

– Мы справимся, – отвечивал отец, напустив храбрый вид.

– Вы всегда справляетесь, мистер Несс, и это делает вам честь. Как и ваши дочери. Прекрасные образцы, обе. Следить за их развитием было для меня удовольствием и привилегией. – Он продолжил напевать и начал что-то искать в кармане короткими толстыми пальцами. – Не желаете ли...

– Мы староваты для сладостей, – заметила Адрана. – Мне уже восемнадцать, да и Фуре недолго осталось.

– Все в порядке, – сказала я, позволяя доктору вытащить пакет со сладостями и положить мне на ладонь кусочек засахаренного имбиря.

– Я собирался навестить вас, – сказал доктор Морсенькс нашему отцу. – Я хотел поговорить с вами о том, что может вас заинтересовать... особенно в случае Арафуры. Детские годы, знаете ли, весьма драгоценны...

– Она не ребенок, – отрезала Адрана. – И я знаю, что у вас на уме. То снадобье, да? Которое замедляет развитие? Знаете что, можете...

– В таком тоне нет необходимости, – перебил ее отец. – Доктор был очень добр к тебе и Фуре все эти годы.

– О да. Как будто в том, что он шныряет по дому, словно по своему собственному, нет ничего странного. Нетушки, доктор Морденькс. – Она умела произносить это небрежным тоном, словно называя его настоящим именем, и время от времени можно было ничего не заметить. – Я достаточно взрослая, чтобы думать своей головой, да и Фура скоро станет такой же.

– Сейчас же извинись перед доктором, – потребовал отец.

– И не подумаю, – огрызнулась Адрана. – Ты меня не заставишь, так же как не заставишь наслаждаться этим дурацким вечером, дурацким капитаном и дурацкими приятелями, которые притворяются, что не растратили половину своего состояния.

– Я велю Паладину отвезти тебя домой, – пригрозил отец.

Наш старый красный робот вертел стеклянным куполом головы, пытаясь уследить за разговором. Внутри купола вспыхивали и гасли огни. Паладин часто путался, когда упоминалось его имя, в особенности если ему не давали простых, прямых приказов.

– Будем на связи, – сказал доктор Морсенькс, засовывая пакет со сладостями обратно в карман.

– Простите за грубость моей дочери.

– Да о чем разговор, мистер Несс. Эмоциональная лабильность юных существ – вовсе не новость для меня.

Мы смотрели, как он повернулся и заковылял обратно к своему столу. На затылке у него был валик из плоти, похожий на надутую трубку. Доктор все еще напевал себе под нос.

– В этом не было никакой необходимости, – пробормотал отец. – Я еще ни разу не чувствовал себя таким...

– Униженным? – договорила за него Адрана. – А знаешь, что такое настоящее унижение? Быть Нессом – вот что. Пресмыкаться, поднимаясь по социальной лестнице Мазария, безуспешно притворяясь теми, кем мы не являемся.

В некотором роде я обрадовалась, когда какой-то выпивоха начал выкрикивать непристойности из зала. Капитан Маланг Лар, стоявший за трибуной, продолжал говорить, а потом кто-то из членов торговой палаты встал и попытался заставить нетрезвого зрителя замолчать, но было уже поздно. Констебли в круглых шляпах без полей и сверкающих синих эполетах ворвались в зал через дальнюю дверь и попытались насильно увести пьяницу с собрания. Но тот был полон решимости подраться, начал лупить констеблей и, шатаясь, врзался в столик, который опрокинулся.

Паладин развернулся.

– Обнаружено отклонение от нормы, – сказал робот и принялся повторять снова и снова: – Обнаружено отклонение от нормы.

Отец начал закатывать рукава.

– Пожалуй, мне лучше... – проговорил он, всем своим видом давая понять, что по меньшей мере задумывается об участии в происходящем, хотя на самом деле с большим удовольствием остался бы за столом, чем отправился бы драться с каким-то пьянчугой.

Потом мы оба поняли, что Адрана ускользнула.

– Найди ее! – рявкнул отец на Паладина.

Робот повернул голову и покатился прочь от стола, прокладывая себе путь сквозь суматоху. Кто-то пнул Паладина, просто ради удовольствия сделать это с разумной машиной. Робот к такому привык: сильно покачнулся, но устоял.

– Он должен был лучше следить за ней, – сказал отец, кипя от злости, и снова одернул рукава.

– Паладин ничего не может поделать, – возразила я. – Он просто старый робот, который старается изо всех сил. Слушай, я пойду и попробую отыскать ее. Людей впускали только через северный вход, верно?

– Нет, – ответил отец, вытирая ладонью пот со лба. – Оба входа были открыты, и держу пари, что твоя сестра направляется к одному из них.

Паладин все еще прочесывал комнату, вертя куполообразной головой, внутри которой возбужденно вспыхивали огоньки.

– Ладно, – сказала я. – Ступай в гардеробную, откуда мы вошли. А я пойду к южному входу.

– Могу ли я рассчитывать, что ты вернешься?

– Конечно.

Я говорила всерьез. У меня не было намерения послушаться его. Я хотела, чтобы все мы снова сели в трамвай и поехали по Джонсери-роуд домой, подальше от пьяного хаоса, в который превратился чинный светский прием. Мечтала вернуться в свою комнату на третьем этаже, рядом с гостиной, где были все наши книги, карты и игры.

– Тогда поторопись, – сказал отец.

Я встала из-за стола, обошла потасовку – которая затихала, поскольку появились новые констебли, – и начала пробираться по длинному Залу Истории.

Липкая холодная рука сомкнулась на моем запястье.

– Эта твоя сестра оказывает разрушительное влияние. Чем скорее она исчезнет из твоей жизни, тем лучше. Поищем ее вместе?

– Сама справлюсь, доктор, – сказала я и выскользнула из его хватки, как будто пальцы Морсенькса были покрыты слизью. – Вы лучше наблюдайте за помещением. Робот пытается ее разыскать, но зрение у него барахлит.

– Ты хорошая девочка, Арафура. По крайней мере одна из вас идет правильным путем – достойный памятник вашей матери.

– Спасибо, доктор Морд... Морсенькс.

Оскорбление выскользнуло ненароком, как будто внутри меня пробудилась Адрана, подстрекая на озорство. Я неловко улыбнулась и оторвалась от доктора, зная, что он со своей хромотой ни за что меня не догонит. Мы с Адраной обе были в лучших платьях и ботинках, но при необходимости могли бегать, подхватив юбки.

Зал в длину был гораздо больше, чем в ширину. И неудивительно, ведь он охватывал огромный исторический период. Поначалу, когда я еще не понимала, что к чему, мне нравилось, что Зал Истории такой красивый: одна из его длинных стен была черной от пола до потолка и покрытой цветными светящимися полосами, похожими на нерегулярно расположенные столбы изгороди. Яркие цвета и надписи внутри полос без труда оказывали сильное впечатление. Я была увлечена теми знаниями о прошлом, которые имелись.

Прошли годы, прежде чем я задумалась о черных промежутках между полосами и о том, что они означают.

Вскоре я оказалась у южной двери. Она была открыта, и снаружи напирал теплый вечерний воздух. Констебли пытались навести порядок, не позволяя людям возвращаться. Какой-то мужчина настаивал, что ему надо в гардеробную, где ждет жена, и ему велели обойти фасад здания; это, по его мнению, было слишком хлопотно. Назревала ссора.

Меня схватили за руку.

Я вырвалась, наполовину ожидая снова увидеть доктора Морсенькса. Но это была Адрана.

– Недурственно, – сказала она. – Теперь мы сможем немного повеселиться.

И потащила меня к двери.

– Мне надо отвести тебя к отцу, – запротестовала я.

– Да ладно тебе, Фура. – Ее глаза расширились от предвкушения, но не затуманились и не покраснели от бокала вина, который она выпила сразу после нашего прихода. – Мы в двух шагах от Нейронного переулка. У меня есть немного пистолей. Давай пойдем и гульнем.

- Меня не интересует Нейронный переулок.
- Откуда ты знаешь, если никогда там не была?
- А ты была?

Однако мы уже вышли за дверь, в густеющие сумерки, и констебли теперь ни за что не пропустили бы нас обратно тем же путем. Я оглянулась как раз вовремя, чтобы заметить Паладина, который все еще прочесывал зал, постепенно приближаясь к открытой двери.

– Идем, – настаивала Адрана. – Тебя никто не будет винить. Это ведь я вечно подаю дурной пример, не так ли?

Мы спустились по ступенькам у входа, прошли вдоль ряда фонарей через музейные сады, а потом пересекли трамвайные пути на Джонсери-роуд. Впереди показался неоновый портал Драконьих врат, за которыми извивался узкий Нейронный переулок, устремляясь куда-то на юг, в сторону станции «Хадрамо». Я немного поглазела на Драконьи врата – как всегда это делала, когда видела мерцательные ящики и экраны, если они мне попадались в общественных местах. У нас дома ничто не могло сравниться с таким всплеском яркости и цвета.

- Ты была не очень-то любезна с Морденьксом.

Адрана тащила меня к Драконьим вратам, взяв под руку.

– А ты понятия не имеешь, какой он на самом деле отвратительный тип. Я знаю, что он хочет с тобой сделать. Появилось новое снадобье – оно замедляет биологический рост и позволяет родителям сделать так, чтобы их отпрыски навсегда остались детьми.

- Зачем кому-то может понадобиться такое?

Она сердито оглянулась на меня:

- Как же ты наивна, Фура.
- А ты всего лишь немного старше меня.

Мы нырнули в Драконьи врата и погрузились в сияние и духоту Нейронного переулка. Адрана улыбнулась мне:

– Мы пришли! Только посмотри на нас, Фура, – разодеты в пух и прах, гуляем по городу. Вот. – Она покопалась в сумочке и вручила мне пистоль достоинством в две меры. – Это половина того, что у меня есть, так что не трать попусту.

Я уставилась на тяжелый металлический диск пистоля, не зная, что делать с этим подарком.

– Спасибо, – проговорила я с сомнением. – Но ведь я тебя догнала, верно? Мы должны вернуться. Ты в любом случае теперь можешь говорить, что видела Нейронный переулок.

Но Адрана уже шла вперед с таким уверенным видом, словно бывала здесь раньше.

– Следи, чтобы никто не обчистил твои карманы и не дал волю рукам, – велела сестра, не обращая внимания на мои слова. – Мы пройдем его до конца и выйдем через Кошачьи врата.

- А потом домой?
- Разумеется. – Она широко улыбнулась. – Куда же еще?

Гадалка изучала ладонь клиента. Босоногая девочка с безумными глазами и сиянием, исходящим от кожи, просила милостыню на углу. Мимо прошли двое сутулых мужчин со слезящимися глазами, одетые в серо-коричневые скафандры; шлемы они держали под мышкой. Позади мужчин двигалось нечто, одетое как ползун, – ковыляло, переступая многочисленными конечностями. Пояс существа демонстрировал цвета Банка Хадрамо, а на голове у него была большая пучеглазая маска. Приглядевшись, я поняла, что это настоящий ползун, а не маскарадный костюм; пришелец сопровождал мужчин в скафандрах.

Я все смотрела и смотрела, пока не поймала в окне на противоположной стороне отражение своего лица с отвисшей челюстью.

– Да-да, пришелец, – сказала Адрана, словно в происходящем не было ничего удивительного. – Они здесь бывают. Это место достаточно близко к порту, чтобы можно было решать

деловые вопросы, особенно связанные с банковской деятельностью. Кстати, о пришельцах – разве эти наряды не прекрасны?

Я оторвала взгляд от ковыляющего мимо существа, пытаюсь не таращиться на маленькие усики, которые время от времени выглядывали из его хоботка. Адрана, не впечатленная ползуном, стояла у входа в магазин. За стеклом были манекены, разодетые в сверкающие платья и юбки из миниатюрных и блестящих многогранных чешуек.

– Шкура гремучек, – сказала моя сестра. – Они ее сбрасывают. Ну, во всяком случае, раньше сбрасывали. Ее находят в шарльерах, и иногда найденного хватает, чтобы сшить платье. В некоторых мирах это незаконно – там не хотят оскорбить гремучек, если те вдруг вернуться.

– Не думаю, что гремучки вернуться, – сказала я, вспомнив соответствующую отметку на стене в Зале Истории. Эти существа появились и исчезли во время Четвертого Заселения, примерно девять миллионов лет назад, и с той поры о них никто не слышал.

– Так или иначе, наверняка подделка, – сказала Адрана, фыркнув с видом знатока, как будто у нее был богатый опыт в этой области. – Ну же, идем. Не хочу канительиться, когда нам столько всего надо увидеть. Следующий – брокер конечностей.

– Брокер чего?..

Она ускорила шаг:

– Сама увидишь!

В витрине соседнего магазина было полным-полно рук и ног, прикрепленных к бархатным подставкам или стеклянным держателям или помещенных в пузырящиеся чаны. Некоторые были живыми, а некоторые – искусственными, сделанными из металла, с моторами и микросхемами.

– Это ужасно, – сказала я, наблюдая, как жестяная рука медленно разжала и сжала кулак, словно ловя невидимый мячик.

– Ты бы так не думала, если бы нуждалась в руке. На кораблях вечно происходят несчастные случаи. А в шарльерах и подавно – то двери внезапно закрываются, то еще что-нибудь, и люди не успевают выйти. Здесь при необходимости можно купить новую конечность – металлическую или из плоти и крови, без разницы. Любую можно прикрепить. – Адрана взглянула на меня с явным разочарованием. – Как же мало нужно, чтобы заставить тебя растеряться.

– Почему этого торговца называют брокером?

– Потому что в этом его суть. Здесь можно и продать конечность, если очень нужны пистолеты. А потом выкупить с процентами или позволить магазину забрать себе прибыль от продажи. – Тут Адрана напряглась и положила руку мне на плечо. – Паладин.

– Что?

– Я только что видела Паладина, который прошел через Драконьи врата.

– Ну ладно, – сказала я, стыдясь своего облегчения. – Мы достаточно повеселились, верно?

– Мы только начали. Давай спрячемся в том ларьке. Робот не станет там искать.

Это была бело-голубая палатка, зажатая между двумя торговыми зданиями. На входе не было ни таблички с надписью, ни эмблемы, да и сам он выглядел как разрез на ткани.

Адрана все равно втолкнула меня внутрь, бросив взгляд через плечо.

– Вас кто-то преследует? – спросила женщина, сидящая в глубине палатки.

– Всего лишь робот, – сказала я.

Адрана задержалась снаружи, а затем тоже вошла, сомкнув вход поплотнее.

– А, это ты, симпатичная брюнетка, – сказала женщина. – Девушка из красивой части города. Я так и думала, что рано или поздно ты вернешься. И кто это с тобой?

– Что происходит? – спросила я, нахмурившись.

Женщина поднялась из-за стола в глубине палатки, шаркнув стулом по каменным плитам. Весь ее магазин состоял из простых деревянных полок, которые были придвинуты к ткани

палатки и обвешаны световым плющом, крупным и излучающим яркое свечение. На полках лежали кусочки кости всевозможных оттенков – от маленьких, размером с ноготь, до больших, как дубины.

Рядом с каждым экземпляром была крошечная бирка с описанием и ценой.

– Значит, сестра тебе ничего не рассказала, – проговорила женщина. – Вы же явственно сестры.

– Откуда вы друг друга знаете?

– Оттуда, что она здесь уже была, – сказала женщина. – Верно, Адрана? Несколько недель назад, ведь так? И как зовут твою сестру, раз уж мы затеяли этот разговор?

– Это Арафура, – спокойно ответила Адрана. – Фура. Вы должны и ее проверить, мадам Гранити.

– Что проверить? – спросила я.

– Способности, – сказала женщина, пододвигаясь ко мне и кладя палец мне под подбородок. Она приподняла мое лицо, посмотрела в глаза и слегка нахмурилась. На носу у женщины сидели очки – огромные и круглые, в тяжелой медной оправе, и сквозь линзы ее глаза выглядели огромными, как два мира. Поверх платья на ней был передник с карманами, набитыми блестящими металлическими приспособлениями. У нее были наперстки на всех пальцах, включая большие, с тонкими проводами, убегающими куда-то в рукава. – Те способности, что полезны на кораблях.

Адрана рискнула выглянуть из палатки.

– Паладин почти здесь, – крикнула она. – Проверяет другие лавки.

Мадам Гранити все еще держала палец у меня под подбородком. Она провела другой рукой по моей щеке до скулы, по виску. Я чувствовала не только холод ее наперстков или остроту их кончиков.

Я ощущала что-то еще: дрожь, покалывание под кожей.

– Раз он слоняется поблизости, значит знает, что вы здесь, – сказала мадам Гранити. – Хотите, чтобы он вас нашел? Вас обеих?

– Не хотим, – ответила Адрана.

– А как насчет моего мнения?

– Выскажешь позже. Слушай, мы сейчас ускользнем от Паладина. Потом еще немного повеселимся и сами найдем дорогу домой. Я тебя прикрою.

– Тогда вам лучше пройти в заднюю часть, – сказала мадам Гранити. – Робот не пойдет за вами туда.

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Мистер Квиндар проследит, чтобы этого не случилось.

Позади стола виднелась небрежно прикрытая дыра в ткани. Мадам Гранити через нее вывела нас в другую часть палатки. Там стояло большое, крепкое кресло с высокой и мягкой спинкой, откинутой назад. В нем храпел мужчина с лицом, прикрытым шляпой, и газетой на груди. Мадам Гранити застегнула «дверь», затем подошла к мужчине и толкнула его.

– Э-э?

Он сел, уронив газету.

– Просыпайтесь, пора отработать комиссионные. У меня тут сестры Несс, и приближается робот, который должен забрать их домой.

– Робот?

Адрана медлила у перегородки, одним глазом наблюдая за тем, что происходило по другую сторону.

– Да, и он заходит внутрь.

Мне не нужно было видеть Паладина, чтобы услышать скрип его колес, гул механизмов и жужжащий вой, с которым он двигал руками.

– Слезайте с трона, мистер Квиндар. А ты, – сказала мадам Гранити, указывая на меня, – ты-то на него и залезай. Я знаю, что у твоей сестры есть дар, и частенько бывает так, что у братьев и сестер он общий, но мне все равно надо убедиться.

– Какой еще дар?

– Просто сядь в кресло, – сказала Адрана.

– Что я должен сделать с роботом? – спросил мистер Квиндар, покидая «трон».

– Для начала остановите его, чтобы он сюда не вошел.

Теперь, когда мистер Квиндар не лежал, стало ясно, что он очень высокий и худой. На нем было длинное черное пальто, чей подол должен был закрывать его ноги почти целиком, но они высовывались точно черные ходули. А его ступни как будто не полностью касались земли, как у марионетки, которой плохо управляют. Он сунул правую руку в карман пальто и вытащил короткую черную палку, коротко ею взмахнул – и она удлинилась в шесть раз от первоначального размера.

– «Останови его», – говорит она. Видин его остановит, ага. Останавливать всякие штуки – Видин почти все время только этим и занимается.

Без особой спешки мужчина в черном пальто подошел к другой стороне комнаты, поднял свою палку и начал бить ею о разделяющую занавеску. После нескольких ударов он усилил натиск, потянувшись другой рукой, чтобы расстегнуть «дверь». Она открылась, и мы увидели Паладина целиком.

– Ну, иди сюда. Покажи старому Видину, на что ты способен, дьявол на колесиках.

Робот покатился вперед – точнее, попытался это сделать. Мистер Квиндар – если так его на самом деле звали – выдвинул ногу вперед и мыском сапога заблокировал одно из ведущих колес, а потом продолжил разбивать корпус. Паладин пытался защищаться руками, но глубокие программы не позволяли ему делать то, что могло причинить вред мистеру Квиндару.

– Давай! – подбадривала Адрана, поощряя мужчину в черном. – Ударь по куполу. Разбей эту дурацкую штуку вдребезги!

– Не надо, – попросила я, ощущая внезапно пробудившуюся давнюю привязанность к машине. – Он просто делает свою работу.

– Просто лезь в кресло, Фура, – огрызнулась Адрана. – У меня есть талант, способности. Я узнала об этом несколько недель назад. Разве ты не хочешь узнать, вдруг они достались и тебе?

Я колебалась, разрываясь между любопытством и тошнотворным ужасом от того, что происходило с роботом. Но любопытство оказалось сильнее. Я вскарабкалась на «трон», понимая, что ввязываюсь в историю, о которой пожалею, но не собираюсь останавливаться, – да, иной раз такое бывает.

– В каком смысле, «несколько недель»?

– Я тайком пробралась сюда сама. В тот раз я должна была отправиться на примерку новых ботинок. Ну, я и это успела, но мне хватило времени, чтобы завернуть в Нейронный переулок, и я должна была узнать наверняка. Понимаешь, у меня было предчувствие...

У подножия «трона» была пластина, на которую я поместила ноги в ботинках, руки положила на мягкие подлокотники по бокам, а затылком опустилась в мягкие объятия подголовника. Казалось, чем больше я расслаблялась, тем сильнее он охватывал мой череп.

– Какое предчувствие?

– Что я могу читать кости.

Мадам Гранити подошла к другому устройству – какому-то приспособлению, висевшему над креслом. Оно было похоже на абажур с гибкой шейкой. Она наклонилась, пощелкала какими-то выключателями, и от этой штуковины пахло, как от подгоревшего тоста.

Вокруг основания «абажура» замерцал свет, и штуковина наклонилась ко мне.

– Мне поручено найти Арафуру и Адрану Несс, – прогудел голос Паладина. – Если вам известно их местонахождение, пожалуйста, сообщите.

– Единственное, что я могу сообщить, – сказал мистер Квиндар, – так это то, что я проломлю твою жестяную башку, если ты еще хоть немного продвинешься.

– Пусть он остановится! – крикнула я.

– Не дергайся, – сказала Адрана. – Он составляет карту твоего мозга. Проверяет, насколько вероятно, что ты сумеешь установить связь с костью.

– Чтение костей – это искусство, – спокойно повествовала мадам Гранити, как будто не замечая стычки по соседству. – Но оно работает лишь в том случае, если мозг еще формирует и разрывает связи. Другими словами, еще учится быть мозгом. Детям оно подвластно, однако у них маловато ума, чтобы понять шепот костей, поэтому для капитана они бесполезны. Взрослые не годятся, у них мозги уже затвердели. Подростки, мальчики и девочки, – вот у кого получается хорошо. Можно дотянуть до двадцати с чем-то, но дорожка пойдет под уклон. – Она задумчиво хмыкнула. – А это неплохо. Весьма неплохо.

Сканер опустился так близко к моей голове, как только мог дотянуться. Я снова почувствовала покалывание, но на этот раз оно исходило от машины, а не от наперстков мадам Гранити. И теперь оно ощущалось внутри моей головы, словно какие-то маленькие твари ползали внутри моего черепа, вызывая зуд.

– Она готова? – спросила Адрана.

– Почти, – сказала мадам Гранити. – Может, ее дар не такой отчетливый, как твой, но ведь она немного моложе, верно? У вас обеих есть талант, и тот факт, что вы идете в паре, здорово повышает вашу продажную стоимость.

– Вы причиняете мне вред, – сообщил Паладин. – Должен попросить вас воздержаться от дальнейшего причинения, иначе мне будет нанесен непоправимый ущерб.

Я повернулась, с лязгом отодвинув абажур. Через дыру в тканевой перегородке я увидела, как мистер Квиндар замахнулся на Паладина своим прутом, поднял его высоко и опустил с силой, держа обеими руками.

– Прекратите, – сказал Паладин, и какая-то ошибка в его системе координации привела к тому, что заднее колесо заклинило, как уже бывало не раз. Теперь робот мог только вертеться на месте и не сумел бы отступить, даже если бы мужчина в черном пальто ему это позволил. Однако мистер Квиндар и не собирался сдаваться.

Он отбросил прут, потянулся к одному из черепов покрупнее, что лежали на полках мадам Гранити, и начал орудовать им как дубинкой, изо всех сил ударяя по куполу.

– Стой! – крикнула я. – Оставь его в покое!

– Его? – переспросила мадам Гранити, широко раскрыв глаза за стеклами очков. – Это всего лишь робот, которого ты очень старалась избегать совсем недавно.

Паладин отчаянно вертелся на месте. Бестолково размахивал руками. Он зацепил полки, разбросал кости. Видин продолжал его избивать. На куполе появились трещины. Наконец – и это было своего рода милосердием – заднее колесо Паладина застряло у основания стеллажа. От толчка робот опрокинулся, упал с грохотом. Передние колеса продолжали вращаться в течение нескольких секунд, и тощие руки Паладина колотились о камни.

Механизмы внутри купола зажужжали, защелкали. Огни погасли.

Паладин застыл.

Видин отбросил кость в сторону. Потянулся за брошенным прутом, сложил его до прежней длины и засунул обратно в карман пальто.

– Ненавижу роботов. Самодовольные машины живут дольше нас и ведут себя по-хозяйски. – Он отряхнул ладони. – Ну что, мадам Джи, удалось что-нибудь извлечь из девочки?

– Лишь отчасти, пока вы не отвлекли ее всем этим грохотом. У нее есть потенциал, это ясно. Думаете, у вас получится найти для них обеих работу?

Мистер Квиндар почесал затылок. Голова у него была совершенно лысая, щеки ввалились, глаза запали, а от одного из них до уголка рта шел бледный шрам.

– Если верить газете, которую я внимательно изучал, прежде чем вы меня побеспокоили, Рэк уже несколько дней как пришвартовался в Хадрамо.

– Рэк? – переспросила я.

Мистер Квиндар вытащил из-за одного из стеллажей стул и присел. Полы пальто свисали по обе стороны его длинного тела, жесткие и рваные, точно высыхающие крылья огромной птицы.

– Если точнее, Ракамор. Капитан. Не лучший из них, но и не худший. Ходят слухи, что Рэк ищет на рынке нового симпатетика. По-нашему – чтеца костей. Он легко наймет одну из вас. А обеих – и того легче.

– Куда наймет? – спросила я.

– Детка, у тебя серое вещество барахлит? В свою команду. На свой корабль. Для экспедиций и так далее. Все законно. Договариваетесь о сроке, отплываете. Шесть месяцев, а может, и меньше. Повидаете кое-какие миры. Поглазеете на кое-какие достопримечательности. Я видел сотню миров, но это лишь малая толика от того, сколько их на самом деле. Бывают ведь не только сферические миры, как этот. Миры-колеса, миры-веретена, хрупкие миры, кружевные... да их больше, чем у нас есть для них названий. Хочешь сама полюбоваться хоть чем-то? А если по ходу дела вскроете один-два шарльера – озолотитесь. – Он сжал кулак и потряс, как будто изображая горку пистолей. – Таких денег на этой куче навоза вы ни за что не заработаете. А если подпишетесь на более долгий срок, хватит и на пенсию.

– Мы не можем, – сказала я.

– Отец почти разорил нас, – встряла Адрана. – Вот почему он позволил себя уговорить на это дурацкое вложение средств – думал, удастся обдурить судьбу. Теперь наши дела еще хуже, чем раньше. – Она положила руки мне на плечи, посмотрела прямо в глаза. – Но мы можем это изменить. Вырваться, пусть ненадолго. На несколько месяцев. А потом мы вернемся и поделимся заработком с отцом. В кои-то веки сделаем что-нибудь для него. О, он не согласился бы на такое – это я знаю. Но люди не всегда понимают, что для них хорошо.

– Никогда в жизни, – сказал мистер Квиндар, – не слышал я более истинных слов.

– Знаете, где найти Рэка? – спросила его мадам Гранити.

– Более-менее.

– Тогда отведите их туда. Они все еще могут передумать, не так ли? Но убедитесь, что Рэк понимает: он нам обоим должен вознаграждение за находку, если они пройдут его проверки.

– Пройдут, – заверил ее мистер Квиндар. – У меня на такие штуки нюх, ага. И эти сестрицы от меня не ускользнут.

Я вышла в переднюю часть палатки, где лежал на полу Паладин, тихий и неподвижный, с пробитым куполом. Адрана, мадам Гранити и мистер Квиндар последовали за мной.

Я опустилась на колени рядом с искалеченным роботом, коснулась пролома в куполе и бросила взгляд на мистера Квиндара:

– Вам не нужно было вот так его разбивать.

– Если бы он этого не сделал, – сказала мадам Гранити, – робот уже тащил бы вас домой.

– Паладин не виноват. Он просто делал то, что ему приказали.

– Это все, на что он способен, – сказала Адрана. – В его башке нет ничего, кроме списка инструкций. Мы не такие, Фура. У нас есть то, чего у Паладина никогда не было и не будет, – свобода воли. Если ты сейчас отправишься домой, отец вскоре приведет Морденькса. И тот даст тебе лекарство, которое остановит взросление. Тогда ты утратишь свой шанс на много-много лет. Вот он, перед тобой, здесь и сейчас. Наша единственная возможность действовать.

Я посмотрела на сестру, потом на мадам Гранити, потом на Видина Квиндара и сказала:

– Мы просто поговорим с капитаном Ракамором. И только. А когда он скажет, что мы не подходим – что обязательно случится, – мы отправимся домой и никогда больше не скажем об этом ни слова. Договорились?

– Договорились, – ответила Адрана.

Глава 2

Ракамор арендовал контору в стене дока Хадрамо, так высоко, что лифт полз туда несколько долгих минут. Контора была маленькая, обшитая серыми металлическими листами, с одним большим окном, выходящим на Мазариль, и, поскольку мы теперь находились над небесной оболочкой, за этим окном не было ничего, кроме вакуума. Казалось неправильным, что кто-то может чувствовать себя комфортно в подобном месте. В комнате стоял письменный стол, за которым сидели трое. Точнее, двое – лицом к нам, спиной к окну, – а третий стоял с нашей стороны, склонившись над бумагами и продолжая вести с первыми двумя тихий разговор.

Видин Квиндар, который привел нас из Нейронного переулка, кашлянул у дверей.

– А, Квиндар, – сказал старший из сидящих. – Это те самые девушки, да?

– Наши милашки, капитан Рэк, они самые.

– Так пусть войдут. Дальше я сам разберусь. Можете подождать снаружи.

Видин Квиндар сделал смиренное, раболепствующее движение пальцами.

– Обычные проценты, обычные условия, не так ли?

– Как всегда, рубите сплеча, мистер Квиндар. Не извольте сомневаться, если девушки подойдут – а вердикт по этому поводу вынесет Казарей, не я, – то вы получите свои пистолы.

Мы подошли к тому мужчине, который стоял. Было совершенно ясно, что здесь заключают какую-то сделку. Стоявший собрал бумаги со стола, туго свернул. Против собственной воли я бросила на них взгляд. Это были чертежи: белые чернила на синем фоне, сложные схемы, полные едва заметных линий и геометрических форм.

– Могу ли я рассчитывать на ваш ответ завтра, капитан? Я не в силах сделать вам лучшее предложение, чем это.

– Спасибо, господин Гар, – ответил Ракамор. – Мы с вами свяжемся.

Когда мужчина с бумагами ушел, капитан посмотрел на нас и сказал:

– Мы потеряли сто акров парусов у Тревенца-Рич. Вы хоть представляете себе, сколько стоят паруса? Их ведь теперь никто не производит, что бы ни твердила молва. Оптовые торговцы – вроде Гара – собирают клочки, измеряют и сшивают, снова превращая в годное полотно. А потом продают нам – тем самым бедолагам, которые изначально владели этими парусами, – по цене, раз в десять превышающей покупную. – Тут в его голосе проскользнула осторожная нотка. – Но мы не можем работать без парусов, а плохой парус хуже, чем никакого, потому что он внушает ложную уверенность. У Гара хорошая репутация.

– К сожалению, цены ей соответствуют, – сказал другой сидящий мужчина.

– Возле Тревенца-Рич случились неприятности? – спросила я.

Капитан Ракамор посмотрел на меня с легким интересом:

– Ты слышала об этом мире?

– Читала. Он находится на одной из самых высоких орбит с большим эксцентриситетом. Наверное, вылетел из Собрании очень давно: столкновение или что-то в этом роде отправило его в Пустошь.

– Вполне вероятно, – согласился Ракамор. – Нет, неприятностей не было – по крайней мере, таких, о которых ты думаешь. Мы просто наткнулись на какой-то мусор и сильно повредили фок. Обратно пришлось ковылять на ионных. Ни перестрелок, ни пиратов. Разочарована?

– Мусор, как я понимаю, – довольно опасная штука, – заметила Адрана.

– Всякое бывает, – сказал Ракамор, кивая моей сестре. – Скорость – наш главный союзник; если мы нацепим побольше брони, то замедлимся и утратим экономическую эффективность. Так что приходится рисковать. Но я бы не стал преувеличивать опасность: у нас гораздо больше шансов потерять парус, чем получить прямое попадание в корпус.

Капитан был хорош собой, но в его красоте ощущалось нечто нарочитое, как у принца на иллюстрации в детской книжке. Квадратная челюсть, пронзительные глаза, крупный нос. Прекрасные скулы. Изогнутые, аристократические брови. Жесткий изгиб губ. Волосы длинные, собранные в аккуратный хвост. Он выглядел высоким даже сидя – по меньшей мере, таким же высоким и худым, как Видин Квиндар, – но при этом в нем ощущалась утонченность, которую на Мазариле приветствовали бы где угодно. Белизна его рубашки была безупречной, а кожа жилета, отполированного до зеркального блеска, скрипнула, когда он наклонился вперед в своем кресле.

В одной руке Ракамор держал многомерный пистоль, постукивая им по столу.

– Смотрите сами, – сказал он, отодвигая в сторону несколько оставшихся бумаг и открывая рукописный текст. – Это разбивка моих потерь за последние десять лет: члены команды, погибшие, раненые и пропавшие без вести; сопоставление с чистой прибылью. Казарей поручится за эти цифры.

Молодой человек, сидящий рядом с ним, кивком указал на грессбух.

– Я потерял двух сканеров, трех открывателей, одного оценщика, одну интеграторшу, – продолжил Ракамор. – Это нормальная естественная убыль для того, за чем мы охотимся. За это время мы подходили к семнадцати шарльерам и взломали тринадцать из них. Я потерял интеграторшу, когда один механизм времен Пятого Заселения напал на нее.

Я сглотнула.

– Но это редкость, – продолжил он. – Интеграторы обычно остаются на борту, пока мои люди трудятся над шарльером, а на борту безопаснее всего. Нет никаких причин, чтобы симпатетик – чтец костей – покидал корабль. – Ракамор провел чистым, ухоженным ногтем вдоль одной из колонок грессбуха. – Посмотрите сами. Я не потерял ни одного чтеца костей.

– Тогда зачем вам понадобился новый? – спросила Адрана.

Ракамор удивился:

– Разве мистер Квиндар не обрисовал вам ситуацию, когда вел в доки?

– Вытащить хоть что-то из этого ухмыляющегося паука – затея слишком сложная, не стоящая усилий, – сказала Адрана.

– Мм. – На лице капитана появилась озабоченная гримаса. – Скажи им, Казарей.

Юноша был одет так же хорошо, как и Ракамор, и его голос, хоть и звучал выше, тоже принадлежал образованному человеку. У него было чистое, розовое лицо и элегантно растрепанные светлые волосы.

– Даже лучшие из нас не могут оставаться на этом посту вечно, мисс...

– Адрана, – спокойно ответила она, встретившись с ним взглядом.

– А я Арафура, – вставила я.

Казарей кивнул и посмотрел на нас по очереди, немного смущенно, прежде чем сосредоточить свое внимание на Адране.

– Мы начинаем молодыми – чем скорее, тем лучше, если не вдаваться в детали. По мере того как наши мозговые контуры затвердевают, становится сложнее поддерживать связь с черепом или приспособливаться к изменениям внутри самого черепа. И практически невозможно научиться работать с совершенно новым черепом. – Он откинулся на спинку кресла. – В этом нет никакой трагедии. У меня была славная карьера, и, должен заметить, меня хорошо вознаградили за работу.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросила я.

– Сперва подготовлю преемника – это дело непростое. А потом с удовольствием уйду в отставку. Я достаточно заработал. – Тут я заметила в его взгляде некую отстраненность – многие говорили, что в наших глазах видят то же самое. – Под началом такого человека, как капитан Ракамор, на таком хорошем корабле, как «Скорбящая Монетта», десяти лет вполне достаточно, чтобы обеспечить себе будущее. Если, конечно, у вас нет непомерных appetitов.

– Мы не собираемся подписывать контракт на десять лет, – сказала Адрана.
Гордый изгиб губ Ракамора смягчила улыбка.

– Да и я не собираюсь подписывать контракт на десять лет с парой незнакомок, которые еще ничему не научились. Квиндар, наверное, упомянул про шестимесячный срок? Если он будет короче, Казарею нет смысла вас обучать. Но за шесть месяцев у вас будет время показать, чего вы стоите, а также решить, подходит ли вам корабельная жизнь. Дело не только в том, чтобы улавливать шепоты. Хорошему чтецу костей также требуется красивый почерк, чтобы быстро и аккуратно стенографировать, и еще он должен не только получать сигналы, но и отправлять. Вопрос в том, хотите ли вы попытать счастья в космосе?

– Мы не боимся, – сказала Адрана.

– Квиндар не привел бы вас сюда, если бы не верил в ваш потенциал. Что скажешь, Казарей? Ты сможешь с ними работать?

– У нас не так много кандидатов, чтобы можно было их перебирать, – сказал Казарей. – И они, по крайней мере, должны быть лучше, чем Гарваль. . . – Тут он осекся и плотно сжал губы.

– Я слышал, что на некоторых кораблях с костями работают братья и сестры, – сказал Ракамор, задумчиво поглядывая на нас и поглаживая пистоль. – Если эти две сумеют общими усилиями извлечь из черепа хоть каплю полезных сведений, это может дать нам преимущество.

Я потянула гроссбух поближе к нашей стороне стола и, постукивая пальцем по одной из колонок, спросила:

– Эти цифры. . . они обозначают жалование членов вашей команды?

– Годовое, и при условии определенного успеха с шарльерами, – да.

– Это большие деньги.

Адрана придвинула гроссбух к себе:

– Разделите это число на два, поскольку речь о шести месяцах, а затем снова удвойте, потому что нас двое. Вы не получите скидку, потому что мы сестры. Это уже пистолей на восемьдесят мер. Я не говорю, что такая сумма покроет все наши потери, но. . .

– Потери? – мягко осведомился Ракамор.

– Наш отец сделал несколько неудачных инвестиций, – сказала я. – Вложил деньги в экспедицию Маланга Лара.

На лице Ракамора отразилось приглушенное сочувствие.

– Да, весьма прискорбная вышла история. Мы осторожны – я этого не отрицаю. Но Лар достиг невиданных вершин осторожности, придерживаясь мелководных процессий, Солнечных Краев, хорошо изученных шарльеров. С ними проблема такая: слишком большая вероятность, что все трофеи уже кто-то забрал. – Он неопределенно пожал плечами. – В случае Лара так оно и оказалось. Ваша семья сильно пострадала?

– Родители прибыли на Мазариль еще до нашего рождения, – сказала я. – Они спасались от экономического спада и думали, что здесь улучшат свое положение.

– Но вскоре спад начался и здесь, – подхватила Адрана. – Крах тысяча семьсот восемьдесят первого.

– Они не очень удачно выбрали время, – сказала я. – Но сделали все, что могли. По прибытии у них были кое-какие пожитки, немного денег и старый робот. После рецессии им пришлось забрать нас из школы. Плата была слишком высока. Так что теперь мы учимся дома, под руководством робота. Отец надеялся, что экспедиция Лара позволит нам выбраться из этой дыры.

– Мы не должны преуменьшать заслуги Маланга Лара, – сказал Ракамор с оттенком вынужденного милосердия. – Каждый осколок истории, который мы находим, позволяет немного уменьшить наше невежество. Он словно маяк в темноте.

– Но осколки ничего не стоят, – возразила Адрана. – А когда кто-то вскрывает шарльер и возвращается с реликвиями, настоящими реликвиями, которые действительно кое-чего стоят, он обычно приносит и немного истории.

– Такое случается, – согласился Ракамор.

– Но не с Ларом, – отрезала Адрана. – Именно поэтому Арафура и я должны присоединиться к вашей команде. Мы подпишем контракт, и Казарей будет нас обучать. И мы отрабатываем свое жалованье.

– А потом, через шесть месяцев, вы нас бросите?

– За шесть месяцев многое может случиться, – сказала Адрана. – Может, вы и сами будете рады с нами попрощаться. Или нам понравится такая жизнь...

– Казарей?

Светловолосый юноша доверительно наклонился к Ракамору, не переставая глядеть на нас:

– Я предлагаю взять их, капитан. Стандартные шесть месяцев. Обычные условия.

Ракамор постучал пистолем по столу, словно судья, выносящий приговор.

– Ладно, тогда мы оформим документы. Если удастся договориться с торговцем парусами, уходим с орбиты через день. У вас обеих есть дела, которые надо уладить?

В дверь постучали, и в щель просунулось длинное бледное лицо.

– Квиндар, – раздраженно сказал Ракамор. – Я просил вас оставаться снаружи. Мы здесь еще не закончили.

– Прошу прощения, кэп, но вам, возможно, захочется немного побалакать с разумником, который только что объявился. Называет себя мистером Нессом, – дескать, он отец этих милешек, и он не в восторге от развития событий. Да, и констебли тоже здесь.

Ракамор вздохнул:

– Впусти его.

Отец протиснулся мимо Видина Квиндара, и за его спиной замаячили два констебля, по-прежнему сверкая эполетами. Отец ослабил воротник, и его волосы растрепались от беспокойства, как будто он слишком часто проводил по ним рукой. Лицо выглядело серым.

– Вы убежали, – сказал отец, качая головой, словно изумляясь словам, которые вырвались из его уст. – Вы убежали от меня. Обе! Констебли нашли то, что осталось от Паладина! Этот робот стоил как половина нашего дома, а теперь он разбит вдребезги. Позор, который вы навлекли на меня, на добрую память о вашей матери...

– Мистер Несс, – сказал Ракамор успокаивающим тоном. – Уверен, что мы сможем решить эту проблему. Я восхищен вашими дочерьми и хочу нанять их на свой корабль. За ними будут хорошо присматривать, и у них будет возможность вернуться домой через шесть месяцев.

– Они несовершеннолетние.

– Мне восемнадцать, – возразила Адрана и, взглянув на меня, продолжила: – Если Арафура согласится назначить меня своим опекуном, она сможет поступать как вздумается. Все законно. Тебе нас не остановить.

Отец прижал руку к груди. У него было слабое сердце, мы обе про это знали – какой-то дефект, за чье исправление врачи Мазариля не брались, потому что им не хватало уверенности в своих силах, – но еще он обзавелся привычкой играть на этой слабости в подобные моменты.

– Ты не посмеешь, – сказал он.

– Капитан, – сказала Адрана. – Вы позволите осмотреть этот пистоль?

Ракамор протянул Адране толстый металлический диск. Она повертела его в руках, глядя на переменчивую решетку узоров, которые, казалось, играли под поверхностью, словно диск пистоля был окном в некую высшую, многомерную реальность.

– Вы использовали его как пресс-папье, капитан, – сказала Адрана.

– Верно.

– Это дорогой пистоль, не так ли?

– Сто мер.

Адрана посмотрела на отца:

– Ты почти столько же потерял на экспедиции Лара. Фура и я сможем заработать восемьдесят мер за полгода, – а если повезет, то больше. Я права, капитан?

Ракамор отобрал пистоль у Адраны и сунул в карман жилета, отчего на нем появилась круглая выпуклость.

– Я вижу, вы заботитесь о дочерях, мистер Несс, – сказал он, обращаясь к нашему отцу. – Я также понимаю, что вы оказались в тяжелом положении. Позвольте прояснить ситуацию. Как только ваши дочери присоединятся к моей команде, я внесу залог в двадцать мер в Банк Хадрамо, предназначенный исключительно для семьи Несс. Через шесть месяцев – независимо от того, что произойдет в космосе, независимо от того, как ваши дочери справятся с работой, или от того, сколько трофеев мы найдем или не найдем, – залог перейдет к вам.

– И все это время мои дочери будут шляться по космосу с тобой... – проговорил отец, ведя пальцем по липкому краю своего воротничка.

– Давайте я выражусь яснее, – сказал Ракамор, слегка наклонившись вперед – едва заметно, но достаточно, чтобы выразить авторитет и даже угрозу, которую я не улавливала до этого момента. – Я капитан Пол Ракамор, владелец солнечного парусника «Скорбящая Монетта». У меня на борту царит строгая дисциплина, и я ожидаю от членов команды как превосходных результатов, так и непоколебимой преданности. Я не обещаю им богатства. Ни один капитан не может дать такого обещания, если правда имеет для него хоть какое-то значение. Но вот что я скажу: пока в моих жилах течет кровь, в костях остается мозг, а в сером веществе – искра, вы можете доверить мне своих дочерей. Я терял членов команды, я даже потерял корабль. Но я не потерял ни единого чтеца костей и не собираюсь менять своих привычек.

– Всего лишь шесть месяцев, – прибавила Адрана.

Теперь капитан смотрел на меня:

– Если предположить, что закон – закон Мазариля – допускает такое оформление опекунства, о чем мы узнаем еще до того, как покинем док, ты все еще согласна пойти на этот шаг?

Я взглянула на Адрану, на отца, на выпуклость пистоля в кармане Ракамора, потом снова на отца. Он выглядел так, будто вот-вот упадет в обморок или того хуже. Теперь он не просто посерел, но казался выцветшим, как рисунок на бумаге, забытый под дождем. Думаю, отец все еще надеялся проснуться и обнаружить, что все это было результатом слишком большого количества крепких напитков и еды.

– Да, – ответила я.

– Похоже, она настроена решительно, – сказал Ракамор моему отцу.

Тот сделал шаг назад, как будто собирался рухнуть на пол. Один из констеблей взял его под руку, и отец посмотрел на него с чем-то средним между благодарностью и негодованием.

– Куда ваш корабль направляется, капитан? – спросил он напряженным голосом.

Ракамор скорчил гримасу сожаления:

– Боюсь, я не могу вам этого сказать, мистер Несс. Конечно, у нас есть представление о маршруте. Но шарльеры, которые мы собираемся посетить, – коммерческая тайна. Есть другие корабли, другие команды, и некоторые из них не остановятся ни перед чем, чтобы нас обскакать. Я также опасаясь, что ваши дочери не смогут слать вам письма с подробными новостями, пока мы не закончим рейс.

– Как долго? – спросил отец, на чьем лице от отчаяния проступили морщины, словно следы когтей.

– Несколько месяцев. Не могу ничего сказать конкретнее. – Ракамор выглядел огорченным. – Я не даю никаких гарантий. Но если все будет хорошо, мы наверняка остановимся на

Тревенца-Рич, прежде чем вернуться на Мазариль. Если все так и получится, у ваших дочерей будет возможность отправить сообщение домой.

– Арафура, – сказал отец. – Умоляю тебя. Я не могу заставить твою сестру передумать. Но ты – не делай этого. Вернись домой.

Впереди простиралось будущее, безопасное и предсказуемое, знакомое и удобное, как старое кресло, и в тот момент я почти сдалась и подчинилась. Но потом подумала о доме, о куполе на крыше, о ночах, которые провела там, всматриваясь в пространство, о мелькающих во тьме мирах, о фантазиях и желаниях, которые пробуждало во мне это зрелище. Я подумала о магии и тайне их имен, от Висперо до Даргонга и Тревенца-Рич. И о бесчисленном множестве миров, что располагались дальше, о десятках тысяч мест, где жили люди, о солнечных парусниках, что ловили фотонный ветер между их орбитами, об удаче и славе, которые суждено было обрести членам их команд.

– Прости, отец. Я тебя люблю. И ты это знаешь. Но я должна пойти с Адраной.

– Я этого так не оставляю, – проговорил мистер Несс, и было непонятно, кому предназначались слова – нам или Ракамору. – Я не богач, и влияния у меня нет. Но я передвину целые миры, чтобы вернуть дочерей домой. Можете на это рассчитывать. – И отец вскинул палец, но рука дрожала сильнее, чем ему хотелось бы.

– Жди вестей с Тревенца-Рич, – сказала я. – А если их не будет, значит ты услышишь о нас, когда мы вернемся на Мазариль.

Потом я взяла Адрану за руку и отвернулась от него, потому что не могла больше смотреть.

Ракетные двигатели набрали мощность с грохотом, фиксаторы причала отпустили корпус, который вздрогнул, – и мы, освободившись, полетели прочь от Мазарилия.

Кресла в катере были расположены четырьмя рядами, по одному на каждой стороне, с проходом между ними. Все сиденья соседствовали с иллюминаторами. Ближе к носу, где корпус смыкался, по форме делаясь похожим на пулю, перед дугой закругленных окон располагалось кресло управления, предназначенное для капитана Ракамора. Он двигал рычаги и переключал тумблеры, а на изогнутой консоли дергались стрелки на циферблатах и мелькали показания.

Если мы и почувствовали потерю веса в доке Хадрамо, он быстро начал прирастать снова.

– По дороге на «Скорбящую Монетту» дойдем до трех джи, – предупредил Ракамор, поворачиваясь к нам. – Это больше привычного, но если вы в хорошей форме и здоровы, то неприятных ощущений не испытаете. – Увидев наши растерянные лица, он призадумался. – Вы же понимаете, что такое джи?

– Вам лучше предположить, что нет, – сказала я.

Он терпеливо улыбнулся:

– Расскажи им, Казарей. Мне нужно вывести нас на нужный вектор.

– Джи – это стандартная единица ускорения в Собрании, – сказал Казарей. Адрана и я сидели на противоположных сиденьях, Казарей – на один ряд впереди, прямо за Ракамором. – Она обозначает то, как люди себя чувствовали, стоя на поверхности Земли, до Раскола – ну, так говорят. Гравитация на Мазариле, на улицах Хадрамо не так уж далека от одного джи. Но это только потому, что поглотитель в сердце Мазарилия имеет определенную массу, и благодаря ей вы на поверхности чувствуете естественный вес. Если бы поглотитель соорудили побольше – или Мазариль оказался поменьше, – вы бы ощущали себя гораздо тяжелее. На многих мирах, с поглотителями и без, все так и устроено. На тех, которые вращаются – веретенах, оболочниках и так далее, – чаще всего набирается почти один джи. И это не потому, что мы их такими соорудили недавно. Они были такими на протяжении эонов, поскольку это удобно для людей.

Кое-где появились жильцы и изменили миры под себя – ускорили или замедлили, добавили поглотители или забрали, – но большинство остались такими же, как прежде.

– А вы из какого мира, мистер Казарей? – очень вежливо спросила я.

Он улыбнулся в ответ:

– Можно просто Казарей. Меня зовут Перро, но это имя мне никогда не нравилось – оно слишком простое. И я родом с Эсперити. Слышали о нем?

По идее, я должна была помнить название по «Книге миров», но сомневалась, что встречала его там.

– Кажется, нет.

– Мало кто слышал. Так или иначе, Эсперити – неплохое место. Это трубный мир, длинная канистра, наполненная атмосферой, как баллон для дыхания, с окнами наружу, сквозь которые проникает свет Старого Солнца. Говорят, трубные миры – одни из самых старых в Собрании, но они хрупкие, поэтому не многие сохранились до сих пор. Историки считают, что между Вторым и Третьим Заселениями была война, причем тяжелая. В любом случае Эсперити – хорошее место, но если не хочешь стать банкиром или биржевым маклером, там заняться особо нечем. Я думал, что у меня есть талант, но на Эсперити нет никого вроде мадам Гранити. Мне пришлось проделать весь путь до Заратраста, чтобы пройти самый простой тест на профпригодность.

Затем он повернулся лицом вперед, потому что наш вес возрастал, и это, наверное, было трудновато даже для Казарея. Мое кресло, которое казалось удобным, когда я в него села, теперь ощущалось собранным из ножей. Я не боялась потерять сознание, но даже дышать стало тяжело, и, когда я попыталась удержать руку над подлокотником, мои мышцы задрожали. Я и подумать не могла о беседе.

Но это меня несколько не беспокоило, потому что мне было на что посмотреть.

Маленький иллюминатор слева от меня по размерам не превосходил блюдо, но я уже увидела больше Мазариля, чем за всю предшествующую жизнь. То же самое происходило и с Адраной, которая смотрела в иллюминатор справа. По очертаниям ее лица, по тому, как отвисла ее челюсть, я поняла: сестра потрясена видом.

Я понимала ее чувства.

Мазариль был нашим миром, нашей вселенной, всем, что мы когда-либо знали. Мы читали о других местах в «Книге миров», ловили их отблески в ночи, видели изображения и движущиеся картинки, которые проецировал на стены Паладин, слышали, как отец бормотал их названия, читая финансовые газеты, но ничто не подготовило нас к такому.

Мазариль был крошечным.

Мы видели изгиб его горизонта из дока Хадрамо, но теперь эта дуга превратилась в большую часть круга. Огни Хадрамо походили на пылающую рану под небесной оболочкой, испещренной кружевами шрамов. Я моргала, рассматривая Бакрамаль, Каспер, Амлис – маленькие города, каждый под собственным лоскутным одеялом небесной оболочки. Кривая делалась все резче, и в поле зрения начала появляться дневная сторона – вместе с городами Инсер, Джонсери и Маварасп. Показался Тесселер – кратер, в котором, как говорили, когда-то находился город вдвое больше Хадрамо. Между этими поселениями были разбросаны маленькие городки и деревушки, построенные на поверхности, без прикрытия небесной оболочки. Я не могла назвать ни одного из них.

И все это на мире чуть больше восьми лиг в поперечнике, и ни один из этих городов не простирался больше чем на одну лигу по поверхности.

Теперь я наконец-то поняла, что доки – один в Хадрамо, а второй в Инсере, в точно такой же пристани, – походили на торчащие по обе стороны нашего мира рога, размером с радиус самого Мазариля, так что расстояние от поглотителя до окончечности каждого дока составляло более шестнадцати лиг.

– Впечатлены? – спросил Ракамор.

– Не знаю, – ответила я, и это была чистая правда.

Это было впечатляюще – охватить весь наш мир одним взглядом. Но это также заставило меня почувствовать себя маленькой, незначительной и немного глупой: ведь я когда-то считала, что Мазариль – особенный.

Он таковым не был.

– Миру такого размера, как Мазариль, вполне хватило бы одного дока, – сказал Ракамор без малейших усилий, словно не чувствуя тяжести, порожденной ракетными двигателями катера. – Но тогда он бы утратил равновесие, и от такого с вашим циклом дней и ночей происходили бы странные вещи. Поэтому и построили два дока, в точности напротив друг друга, и мы можем выбирать, где пришвартоваться. В основном мы предпочитаем Хадрамо – таможенники у вас дружелюбнее.

Ракамор передвинул рычаги на консоли, и я почувствовала, что мои кости уже не так сильно вдавливаются в кресло. Грохот двигателей превратился в бормотание, как будто где-то по соседству шел званый обед.

– Ну хорошо, – сказал капитан. – Мы набрали скорость, позволяющую поравняться со «Скорбящей Монеттой». Осталось недолго.

Вскоре мы оказались в невесомости, ракетные двигатели замолчали. Мы с Адраной все еще были пристегнуты к креслам, но я чувствовала нутром, что вес исчез: я словно камнем падала в бездонную яму, как в дурном сне. Ракамор посоветовал пока что не убирать ремни. Нам требовалось время, чтобы привыкнуть к отсутствию веса – ведь его предстояло испытывать очень часто.

Мазариль, сжимаясь, превратился в двурогий шар. Ночные города все еще светились, но Хадрамо теперь поворачивался к Старому Солнцу, и настал черед Бакрамали соскользнуть в пурпурные сумерки.

– Вот и она, – объявил Ракамор, снова включая двигатели, но на этот раз не на полную мощность.

Адрана вытянула шею, выглядывая в окно.

– Она крошечная!

– В космосе все кажется маленьким, – сказал Ракамор. – Так здесь все устроено. Нет дышали, чтобы исказить пейзаж.

– Дыхай тут ни при чем, – возразила Адрана. – Просто корабль маленький.

Катер развернулся, и «Монетта», вращавшаяся на орбите вокруг Мазариля, оказалась напротив моего иллюминатора. Адрана не преувеличила. «Монетта» действительно выглядела крошечной. Хуже того, мы собирались доверить свои жизни этой хрупкой на вид штуковине. От такого у меня еще больше скрутило внутренности.

То, на что мы смотрели, было всего лишь корпусом корабля, поскольку паруса и такелаж еще не были выпущены. Это была всего лишь темная маленькая оболочка, заостренная с одного конца, расширенная с другого, застывшая на мерцающем фоне Собрания, словно вырезанная из бумаги фигурка напротив фонаря в театре теней.

Приставьте арбалет к моей голове и заставьте описать «Скорбящую Монетту» – и даже тогда я скажу, что корабль Ракамора по форме оказался вылитая рыба. Корпус был больше в длину, чем в ширину, с плавным изгибом бортов, без единого острого угла. На нем виднелись гребни и кромки, как будто его сделали из досок, изогнутых и соединенных аккуратнее некуда. Но как рыба – костлявая, ядовитая и злая, – он также был покрыт всевозможными плавниками, шипами, жалами и колючками, торчащими во все стороны. Некоторые, как я догадалась, имели какое-то отношение к оснастке. И как у рыбы, у него на одном конце зияла огромная пасть, над которой таращились два глаза – это были большие иллюминаторы, – а на другом конце имелась штуковина, напоминающая дамский веер с жесткими ребрами, то есть своеобразный хвост.

Мы приближались. Ракамор использовал ракетные двигатели как скряга, то включая, то выключая их, чтобы сбросить нашу скорость почти до нуля.

– Видите? Теперь она кажется больше. Как и положено. Четыреста пядей, от носа до кормы. Семьдесят пять пядей в поперечнике в самом широком месте. Она могла бы проглотить двадцать таких катеров, и у нее еще останется место в брюхе. Нос – это открытая пасть, где мы собираемся причалить. Корма – это другой конец, а та раскрытая штуковина – ионный выбрасыватель. Она движется в обе стороны, а также вверх, вниз и вбок, если нужно, но надо же как-то определять, где что, – от этого может зависеть жизнь. Она вам нравится?

– И все-таки она не кажется мне большой, – проворчала Адрана.

Я думала так же, но теперь, когда сестра высказалась, у меня появился шанс ее переиграть.

– Она достаточно большая. А что ты ожидала увидеть – дворец?

Адрана сердито уставилась на меня.

– Это хороший корабль, – заверил Казарей. – Что бы вы сейчас ни думали, сами не замечайте, как почувствуете себя как дома.

Кто-то на борту «Скорбящей Монетты», видимо, был предупрежден о нашем прибытии, потому что челюсти открылись шире, демонстрируя залитые красным светом пасть и глотку, куда мы скользнули, словно какой-нибудь лакомый кусочек, двигаясь не быстрее пешехода, пока катер не лязгнул о какую-то преграду – может, швартовочное устройство – и не настала тишина.

Мы оставались невесомыми. Ракамор и Казарей выбрались из своих кресел и указали, что нам можно отстегнуться, но надо проявлять осторожность, пока не обречем уверенность в себе.

– Одно неправильное движение ног, – сказал капитан, – и синяки вы вылечите после дожидчика в скорбевник.

Через иллюминатор я наблюдала, как челюсти снова сомкнулись, скрыв последние проблески Собрания. Теперь я видела только красные стены вокруг нас, покрытые металлическими выступами, трубами и кабелями, похожими на потроха. Снаружи, прямо рядом с катером, двигались фигуры. Двое в латунных скафандрах с бронированными частями и сложными шарнирными соединениями, в металлических шлемах с решетчатым забралом, скрывающим лицо.

– Можно заполнить отсек для катера дыхалью, – объяснил Ракамор. – Но в большинстве случаев оно того не стоит. Проще надеть скафандр.

Сквозь корпус снова послышался лязг, затем какой-то металлический скрежет и царапанье, а затем шлюз издал пронзительный визг, когда его открыли снаружи.

Маленькая жилистая женщина, не одетая в скафандр, просунула голову в катер.

– С возвращением, кэп. – Потом она кивнула молодому человеку. – Казарей. Это, стало быть, новобранцы?

– Сестры Несс, – сказал Ракамор. – Обращайся с ними хорошо, они могут сделать нас богатыми.

– В прошлый раз мы тоже так думали.

– Это Адрана, это Арафура, – продолжал тем временем Ракамор. – А это... хм, почему бы тебе не представиться самой?

– Прозор, – сказала женщина.

Лицо у нее было жесткое, свирепое. Это имя я уже видела в грессбухе. За последние десять лет Ракамор потерял двух чтецов шарльеров, но Прозор занимала свой пост достаточно долго, чтобы ее имя из года в год повторялось в нижней части страницы.

– Забирай их на борт, покажи им каюты, проследи, чтобы им дали поесть и попить. И да, Прозор?..

– Кэп?

– Это все для них в новинку. Вообще все, от невесомости до жизни на волосок от вакуума.

Прозор пожала плечами:

– Ну, я сделаю им скидку.

– Славно. А теперь мне нужно поговорить с Хиртшалом про новый парус, который мы только что привезли из Мазариля. Мы скоро покинем орбиту – на ионных, если паруса не будут готовы. Хочу, чтобы между нами и доком Хадрамо оказалось побольше лиг.

– Проблемы, что ли?

Ракамор кивнул, крепко стиснув зубы:

– Семейные дела.

Нам так и не сказали в точности, сколько кораблю было лет или кто им владел до Ракамора, не говоря уже о том, кто вложил пистолы в его постройку. Но если давно сгинувшие разумники, которые создавали «Скорбящую Монетту», намеревались сделать ее внутренности настолько сбивающими с толку и запутанными, насколько это возможно, то со своей работой они справились блестяще. Это был безумный лабиринт коридоров, комнат, чуланов и дверей. Четыреста пядей – не так уж и много, если говорить про ряд домов или прогулку по парку Маварасп. Но удивительно, сколько комнатушек можно запихнуть в толстое брюхо корабля длиной в четыреста пядей, и еще удивительно, сколько разных способов можно придумать, чтобы связать их друг с другом, особенно когда нет ни верха, ни низа и не имеется веских причин не помещать дверь на потолок, а окно – на пол. Коридоры извивались, раздваивались, скручивались петлями без особых причин. Трапы и лестницы соединяли палубы друг с другом, а из отсека в отсек можно было попасть через немыслимо узкие соединительные туннели. Там были люки и каналы, лифты и лебедки. Трубы и кабели виднелись повсюду, и корабль негромко булькал, шипел и гудел, словно наполовину живой. Вдоль труб и кабелей простирались побеги светового плюща, который выращивали во всех обитаемых помещениях «Монетты». Там, где плющ не желал расти, использовались другие источники искусственного освещения.

– А здесь вы сможете прикорнуть, – сказала Прозор, когда мы подошли к тому, что показалось набором шкафов. – Места маловато, но оно и не требуется, когда мы в пути. Еще одна постель вам... ну да, наверное, понадобится.

– Мы будем здесь спать? – спросила Адрана.

– Нет, детка, здесь вы будете играть в кегли. – Прозор открыла двери и продемонстрировала нам каюту.

– А тут бывает холодно? – рискнула спросить я.

– Точнее будет сказать, иногда тут бывает тепло. Ты же не боишься чуть замерзнуть, мм?

– Не боюсь.

– Мы справимся, – заявила Адрана, бросив на меня взгляд.

Каморка была размером с самую маленькую комнату, в которой мы когда-либо спали, и предназначалась она для двоих. В задней части были два гамака, один над другим, и занавеска, которой можно было отгородить гамаки для уединения. Прозор показала нам рундуки, в которых хранилось постельное белье. В них же имелось место для личных вещей, – впрочем, мы ничего с собой не взяли.

– Роскошно, – сказала я.

– Привыкли к лучшему, да?

– Мне показалось, капитан велел тебе быть с нами повежливее, – заметила Адрана.

– Если бы вам довелось поиметь со мной дело, когда я в дурном настроении, вы бы это поняли сразу. – Тяжело вздохнув, Прозор прибавила: – Все не так плохо, как кажется. Разумники ко всему быстро привыкают, и вы будете проводить здесь столько времени, сколько захотите. Лопаем мы вместе. Вы теперь будете новыми коками – готовят всегда чтецы костей, ведь

они такие драгоценные и нежные, что поручать им другую работу попросту нельзя. А в остальное время вы будете на камбузе, со всеми нами, петь песни, рассказывать байки, ставить пьесы, предсказывать судьбу – короче, коротать время. – Она бросила на нас грозный взгляд. – На борту многих вещей не хватает. Но со свободным временем проблем нет.

– А книги у вас есть? – спросила я.

– Книжки – твоя фишка, да?

– Да. Это называется «чтение».

Прозор фыркнула, сморщив нос. У нее были резкие черты лица: острый нос и подбородок, пронзительные темные глаза под неровными бровями. Ее лицо выглядело сердитым независимо от настроения – сплошь клинья и углы, как будто ее нарисовали в спешке, скупыми штрихами. Прическа была такая же резкая, как все прочее: волосы, залитые то ли клеем, то ли лаком, торчали во все стороны, застыв в виде шипов и колючек.

– Поговори с кэпом. Он всегда рад похвастать своей библиотекой. Там больше книг, чем ты сумеешь прочитать.

– Сомневаюсь, – сказала я.

Прозор повела нас обратно через корабль. Это мог быть как путь, которым мы пришли, так и какой-то совершенно другой маршрут. Трудно было сказать наверняка. Она все время указывала на разные вещи и плевать хотела на то, что мы не могли запомнить столько сведений за один раз.

– Теперь мы почти посередине, – сказала Прозор, когда мы, все еще невесомые, одолели крутой поворот коридора. Мы с Адраной двигались, помогая себе кончиками пальцев и осторожно перебирая ногами, в то время как Прозор мчалась вперед с безумной скоростью, пусть ей и приходилось все время останавливаться и ждать, пока мы ее догоним. Она отодвинула панель и пригласила нас войти.

– Уже заблудились?

Я кивнула.

– Славненько. Нам того и надо. Нельзя, чтобы чужак, заявившись на борт корабля, слишком легко наткнулся на кости.

Перед нами оказалась серая дверь, бронированная, как дыхальный шлюз, с колесообразным запирающим механизмом. Позади нас уже осталась дюжина таких же.

– Мы их сюда поместили и по другим причинам, а не только для того, чтобы было трудно найти, – продолжала Прозор. – Они должны быть в тихом месте, не слишком близко к мостику, камбузу и так далее. И подальше от механизма управления парусами или машинного отделения. Это самое лучшее место, и вы можете войти.

– А ты сюда заходишь? – спросила Адрана.

– Мне своего жалованья хватает, детка. Я читаю шарльеры. Это у меня хорошо получается.

– Не забудем о таланте сердечно встречать гостей, – пробормотала я.

– По-вашему, вы сюда развлекаться прибыли? Позвольте рассказать вам про шарльеры. Чтение шарльеров сводит с ума, но только потому, что они – штуки замысловатые, и многое зависит от правильного истолкования. Жизни. Пистолы. Репутация. Чтение черепов... – Прозор умолкла с садистским содроганием, а потом добавила: – Моя голова мне нравится такой, какая есть. Обойдусь без пришельческих призраков, которые будут бродить внутри ее и вызывать ночные кошмары.

Покончив с комнатой костей, Прозор отвела нас в отсек, полный одежды: шкафы, ящики и коробки, забитые брюками, рубашками, ремнями, перчатками – все это было перемешано без малейшего намека на систему в отношении размера или фасона.

– Подыщите то, что вам подойдет. Длинные платья, может, на Мазариле и в моде, но здесь они будут только за все цепляться.

На Прозор были брюки, кожаные тапочки и черная блуза, а на шее в невесомости позвякивали потускневшие украшения.

Адрана перебрала заплесневелое содержимое одного из ящиков. Вытащила перчатку, просунула палец в дыру:

– Это от пули?

Прозор задумчиво изучила отверстие:

– Нет, детка, – видать, крыса.

– Останемся в наших платьях, – решила Адрана.

Камбуз находился в передней части корабля, между мостиком и каютой капитана Ракамора. К нашему прибытию прочая команда собралась там, чтобы приветствовать нас. Несмотря на то что мы все еще были невесомы, они умудрились сидеть на стульях вокруг большого круглого стола, украшенного черно-белыми шестиугольниками, с каким-то образом закрепленными на нем едой и питьем. Два окна одинакового размера выпирали в космос по обе стороны комнаты: Мазариль был виден через одно из них, он медленно поворачивался по мере того, как мы вращались вокруг него. В одном углу стояла консоль, несколько экранов и индикаторов были включены, и несколько небольших пультов управления и дисплеев были разбросаны по всему помещению, светясь как мерцательники; но в основном это место предназначалось для того, чтобы команда могла поесть, расслабиться и обсудить планы, и никто из них, казалось, не обращал никакого внимания на оборудование.

– Проходите, – сказал дородный бородатый мужчина, указывая на два свободных места по обе стороны от него за столом. У него было открытое, дружелюбное лицо. – Мы не кусаемся. Если вы уже встречались с Прозор, то вы обнаружите, что остальные заметно лучше. – Он подвинул кружку по столу, от черного шестиугольника к белому, поднял ее и обхватил губами насадку для питья на крышке. – Мэттис, – добавил он, сделав глоток. – Открыватель его капитанского величества капитана Рэка. И весьма хороший, раз уж я об этом упомянул.

– Упомянул, – передразнила женщина рядом с ним. – Ты только об этом и говоришь.

– В то время как ты, Жюскерель, никогда не хвастаешься тем, как ловко у тебя получается обращаться с прибабасами.

– Я не хвастаюсь, Мэттис. По-твоему, этот корабль работает благодаря лунным лучам и щеночкам? – Она кивнула нам. – Жюскерель. Интегратор. Прозор показала вам мостик?

– Еще нет, – ответила я.

– Потом покажу. Я отвечаю за главного подметалу и трещальник, а также вон за ту дополнительную консоль. Моя работа заключается в том, чтобы заставлять один ящик с прибабасами общаться с другим, даже если их сделали разные расы. Если на борту что-то работает как надо, благодарить следует меня.

Жюскерель была пожилой женщиной с крепким подбородком, вздернутым носиком и очень длинными волосами, заплетенными в сложную косу, перекинутую через плечо так, что она свисала – или плавала – на груди, пересекая ее по диагонали. Коса была вся в серебристо-серых и голубовато-белых нитях, похожих на чрезвычайно тонкую металлическую проволоку. В осанке Жюскерель была какая-то уравновешенность, элегантность, которая выделяла ее среди остальных.

– Садитесь с нами, – повторил Мэттис, похлопывая по одному из свободных стульев. – Сюда. Пиво. Хлеб. Неужели в Хадрамо все такие тощие? – Он бросил на Прозор укоризненный взгляд. – Надеюсь, ты не напугала их до потери рассудка.

– А куда деваться-то, – беззаботно сказала Прозор, занимая свое место за столом. Она передвинула металлическую коробку через стол, с черного шестиугольника на другой такой же, открыла крышку и выудила буханку хлеба. – Будь они еще чуток моложе, мы бы имели дело с зародышами.

– Мы все когда-то были молодыми и неопытными, – сказал третий член команды, пока я и Адрана усаживались по обе стороны от Мэттиса. – Никто из нас не родился на корабле, в космосе. – Он закашлялся и поднес руку к горлу. – Триглав. Ионные системы. Я тот бедолага, который отвечает за перемещение корабля, когда паруса перестают полоскаться на космическом ветру.

Триглав был маленький, лысый и непритязательный. Люди с такими печальными лицами, как у него, вечно выглядят озабоченными, даже если все идет хорошо.

– Казарей думает, что вы можете стать нашими новыми чтецами костей. Если Казарей так говорит, у меня претензий нет.

– В прошлый раз ты говорил то же самое, Триг, – сказала женщина рядом с ним, такая же маленькая, как и ионный инженер, но крепкая на вид; ее лежащие на столе обнаженные руки были все в татуировках и выпирающих мышцах. Одна сторона ее головы была выбрита, на другой – росли длинные волосы, а ее брови выглядели так, словно их нарисовали чернилами, – и, наверное, так оно и было.

– Трисиль, – представилась она хриплым голосом. – Оценщица.

Она пожала нам обеим руки. Ее хватка была крепкой, а ладонь – шершавой.

– А что случилось в прошлый раз? – спросила я.

– Не было никакого прошлого раза, – отрезал Мэттис, свирепо улыбаясь.

– Вообще-то, сейчас им можно рассказать про крики, – заметила Прозор, жуя хлеб. – Потому что скоро они сами узнают, как бы ни сложилось.

– Про крики? – повторила я.

И тут раздался скрип, стон, как будто сам корабль мучился от чего-то вроде кишечных спазмов. Я напряглась, как и Адрана, но очень скоро мы поняли, что никто другой не встревожился. На самом деле звук вызвал у них радостный ропот, и Прозор даже подняла свою кружку с пивом.

– Много времени не понадобилось, – сказала Трисиль, сжимая кулак так, что мышцы вдоль всей руки напряглись.

– Ты же знаешь капитана. Если он решил, что мы уходим, то мы уходим.

– Мы уже под парусами? – спросила Адрана.

– На ионных, – сказал Триглав. – Поднимем паруса, когда отойдем подальше от Мазариля, а здесь слишком велик риск продырявить их космическим мусором. – Он вытер рот рукой. – Что ж, мне пора идти отрабатывать жалованье, верно? Не хочу, чтобы двигатель перегрелся до того, как Хиртшал подготовит новый парус. – Затем он кивнул Адране и мне. – Добро пожаловать на борт.

– Спасибо, – сказала я.

Они один за другим ушли, пока за столом не остались только Жюскерель и мы с Адраной. Жюскерель продолжала есть и пить по меньшей мере минуту, прежде чем заговорить. Но неторопливость попросту была ее привычкой, и я не думаю, что этим ей хотелось нас как-то расстроить.

– Не обращайтесь внимания на Прозор.

– Похоже, мы ей не очень нравимся, – сказала Адрана.

– Дело не в вас. Дело в том, что вы есть. – Она продолжала жевать, работая челюстями. – Вот. Поешьте еще хлеба. Мэттис был прав: вас надо откормить.

– У меня что-то пропал аппетит, – сообщила я.

– Космическая болезнь, – сказала Жюскерель. – Если это твой первый раз наверху, то неудивительно. На корабле нет врача, и если кто-то и может выполнять его обязанности, то это я. – Она порылась в кармане и достала жестяную коробочку. Со стуком положила на магнитный стол и придвинула к нам, как колоду карт. – Одной в день должно хватить, но если

понадобится – прими две. Я думаю, ты будешь в порядке к тому времени, как мы доберемся до шарльера.

Коробочка была милая, с машинной гравировкой в виде переплетенных птиц, и я подумала: уж не принадлежит ли эта вещица к одному из минувших Заселений?

Нередко было трудно понять, сто лет исполнилось какой-нибудь штуковине или сто тысяч.

– Мы что-нибудь должны? – спросила Адрана.

– Пусть у вас все получится с костями, – ответила Жюскерель, – и этого мне будет достаточно.

Я поблагодарила ее.

– Сколько времени пройдет, пока мы доберемся до шарльера?

– Не могу сказать... – ответила она, растягивая слова, как будто в голове у нее какая-то пружина или регулятор вдруг рассинхронизировались с нами.

– Не можете или не хотите? – спросила я.

– Не могу. Никто этого не знает, кроме капитана Рэка и, может, Казарея. Так все устроено. Если бы кто-то из нас узнал, к какому шарльеру мы направляемся, и протрещал об этом другому кораблю... или даже просто проболтался, не подумав... такое могло бы всех погубить. Поэтому капитан сообщает, что мы отправляемся в путешествие на такое-то количество недель или месяцев, и наша забота – прихватить достаточно провизии. Хиртшал ставит паруса, но даже Хиртшал не знает, как далеко или как надолго мы уходим, – пока капитан не отдаст еще один приказ и мы не начнем маневрировать, сближаясь с целью.

– Вы сказали, Казарей... – проговорила я.

– Да.

– А почему он все знает?

– Единственный способ, которым секреты попадают на борт, – если не считать запечатанных бумаг в кармане капитана – это через чтеца костей. Чтец костей знает про солнечный парусник все, и если попытаться от него что-то скрыть, он в любом случае узнает.

– Значит, чтец костей – довольно важная должность, – заметила Адрана. – Но чтецы должны быть совсем молодыми, иначе они не смогут работать с костями.

– Ага. Молодые. Часто самые юные из нас. Но им ведомы тайны кэпа, и у них есть доступ к его уху. – Жюскерель пожала плечами почти с безразличным видом. – Сами понимаете, кое-кому это может и не понравиться.

– Полагаю, – сказала Адрана, – бывает и так.

Глава 3

С той поры мы жили по корабельному времени. В момент нашего отъезда в Хадрамо была ночь, но на борту «Монетты» недавно миновал полдень, и то собрание на камбузе было всего лишь легким перекусом между вахтами. Следующие шесть часов мы принадлежали самим себе, а вечером все должны были снова собраться. Ракамор сказал, что нам можно исследовать «Монетту» в свое удовольствие, но соблюдать осторожность. Мы с Адраной вернулись в свою каюту и потратили час на то, чтобы ушить платья, сделав их менее громоздкими и годными для невесомости или близких к ней условий.

– Я не против смешаться с толпой, – проговорила Адрана, держа иголку в зубах. – Но надевать одежду, которую поели крысы, не намерена.

– Я пока что не видела никаких крыс. – Мне захотелось придать разговору чуть более жизнерадостный тон. – И вообще, как крысы могли попасть на такой корабль?

– А как они куда-то попадают? Откуда крысы взялись в Собрании?

Я пожала плечами, не желая слишком углубляться в подобные размышления.

– А как это вышло у всех остальных?

Когда платья были готовы, мы снова отправились в путешествие по кораблю. Мы переходили из комнаты в комнату, перемещались по уровням то вверх, то вниз (впрочем, понятия «вверх» и «низ» теперь утратили свое значение) и медленно выстраивали в голове карту.

Ионный двигатель был не слишком мощным. Он выдавал пятисотую долю джи, и следовало приложить немало усилий, чтобы это заметить. Долгое время казалось невозможным, что мы вообще куда-то доберемся. Но хитрость заключалась в том, что его работа не прерывалась, и на протяжении часов, занимаясь другими вещами, мы с легкостью забыли о том, что ионный двигатель все еще разгоняет «Монетту». Когда я и Адрана случайно очутились возле иллюминатора с той стороны корабля, что была обращена к Мазарилю, нас неприятно удивило, каким он стал маленьким. Мы уже преодолели десятки тысяч лиг, и наш мир превратился в едва заметное пятнышко – в двурогую точку, которая должна была вот-вот затеряться на фоне огромного Собрания.

Корабль покидал его, направляясь в Пустошь.

– Мне не нравится не знать, куда мы держим путь, – тихо прошептала Адрана, пока мы наблюдали, как Мазариль становится все более крошечным.

– Поздно для дурных предчувствий. – Я положила ладонь на ее руку, гадая, отчего мне выпало утешать сестру, а не наоборот. – Ты хотела приключений, Адрана. Не слишком сожалей, когда они начнутся. На самом деле мне все это уже нравится.

– Ты запала на Ракамора. Или, может, на Казарея.

– Я запала на то, что нас ждет впереди. Шарльеры. Сокровища. Пистолы. Мы вернемся домой богаче, чем могли бы себе представить. Даже отец поймет, что мы поступили правильно. И у нас будут приключения, Адрана. Мы увидим то, чего никто на Мазариле никогда не видел.

И тут мы услышали крики.

Адрана и я посмотрели друг на друга. Нам не померещилось. Звук был приглушенный, но не мог доноситься издалека. Против собственной воли мы направились к источнику шума. В коридоре было много дверей: кладовки, чуланы для оборудования и так далее, – но до сих пор мы не задумывались, что может скрываться за ними. В последнюю из них была врезана решетка, и еще имелось нечто вроде скользящей заслонки, достаточно большой, чтобы сунуть в отверстие руку.

Звук шел из-за этой двери.

Это было женское всхлипывание, перемежающееся припадками удушья, бульканьем и странными обрывками бормотания на непонятном языке.

Я тронула дверь. Она висела на петлях, выглядела совершенно обычной и после нажатия на ручку открылась довольно легко.

– Что там? – спросила сестра, паря возле меня.

– Там кто-то есть. На кровати. Не в гамаке, а на настоящей кровати.

Я увидела женщину, лежащую на спине. Она была полностью одета и лежала поверх одеяла. Ремни крест-накрест пересекали ее грудь, стягивали руки и ноги, а еще один обхватывал голову.

Невзирая на путы, незнакомка делала все возможное, чтобы освободиться.

Адрана оттолкнула меня, чтобы увидеть связанную «спящую» собственными глазами.

– Что это они с ней делают? – спросила она, словно я могла ответить на вопрос.

Я поморщилась от раздражения:

– Может, стоит спросить у нее?

С этими словами я вошла в комнату, ведя себя куда отважнее, чем на самом деле чувствовала. Женщина почти не могла двигаться, но повернула голову, как только смогла, и проследила за мной глазами, которые были так широко распахнуты, что казались почти белыми. Она провела языком по губам и перестала дергаться так сильно, словно любопытство отвлекло ее от поводов для беспокойства.

– Вы здесь новенькие, – сказала она хрипло, словно ее ударили кулаком в гортань. – Новые голоса. Я слышала, как вы шныряете вокруг. Сестры, да?

– Возможно, – осторожно ответила я.

– Вас сюда притащили, чтобы вы присвоили себе кости, верно?

– А что, если так? – спросила Адрана.

– Хотите совет? Убирайтесь с этого корабля как можно быстрее. И не позволяйте костям влезть себе в голову. Вам не понравится, когда их шепот проникнет в ваши сны. Думаете, вы достаточно сильны, чтобы удерживать шепот там, где ему положено быть? Я тоже считала себя сильной.

– А-а, – раздалось со стороны двери, и мы вздрогнули от неожиданности. – Вы избавили меня от лишних хлопот.

– Каких еще хлопот? – спросила я, пытаюсь не выглядеть чересчур виноватой и нечистой на руку.

Казарей запустил пятерню в свою взлохмаченную светлую шевелюру.

– Я считал, что простого способа поднять эту тему не существует. Вы, наверное, слышали, что с последним рекрутом у нас не сложилось.

– Так это... как, вы сказали, ее имя? – спросила Адрана.

– Гарваль. – Казарей подошел к нам и начал рассказывать о женщине на кровати так, словно она была где-то совсем в другом месте, ничего не слышала и не понимала каждое слово. – Она родом с Превомара – это мир-веретено, неплохой, в восьмой процессии. Прямо сейчас он по другую сторону Старого Солнца от нас, но после того, как вскроем пару шарльеров, остановимся в Тревенца-Рич...

– Вы отвезете ее домой? В таком состоянии? – спросила Адрана.

Казарей смутился:

– Со временем она может исцелиться.

– Может? – повторила я.

– Она изначально нам не подходила, Арафура. Она влипла в какую-то неприятную историю... какие-то нелады с семьей из-за брака. Она так сильно хотела сбежать с Превомара, что подкупила кое-кого и ей помогли преувеличить свои способности. Я думал, ей хватит таланта, чтобы осилить полную нагрузку с первой попытки... – Чтец костей покачал головой, и у меня до сих пор нет сомнений в том, что его раскаяние было искренним. – Она нам солгала, – про-

должил Казарей. – Но я не держу на нее зла. Мы все время от времени искажаем правду, а у нее были веские причины покинуть Превомар.

– Я не лгала, – сказала Гарваль. Но ее голос ослабел, как будто несчастная почти израсходовала всю энергию, которую накопила для разговора. – Я не лгала.

Какая-то волна усталости прошла сквозь нее, и я почувствовала, как она расслабилась – впервые с той поры, как мы ее увидели.

– Лгала она или нет, – сказала Адрана, – какая у нас гарантия, что мы не закончим так же, как эта женщина?

– Гарантий нет, – признался Казарей. – В этом и кроется подвох. Мы говорим о пришельческой технологии, которую никто из нас толком не понимает. Тот факт, что мы ее используем, не означает, что мы вникли в ее суть.

Он подошел к раковине на стене, смочил тряпку и промокнул ею лоб и щеки женщины. Повернулся к нам:

– У нее бывают плохие периоды и хорошие. Если она кажется разумной, то вы застигли ее в хороший момент. Воздействие, которому она подверглась, было относительно недолгим, и я думаю – по крайней мере, надеюсь, – что ее нейронные контуры в конце концов восстановятся в другой форме.

– Удачи тому, кто собирался на ней жениться, – проговорила Адрана.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь теперь подумает о женитьбе как о вещи, имеющей перво-степенное значение, – ответил Казарей и, вернув тряпицу на место, вышел из комнаты.

Я знала, Адрану это потрясло. Меня тоже, немного. Но я хотела продемонстрировать Казарею свою отвагу, бесстрашие и готовность к тому, что нас ждет.

– Я хотела бы взглянуть на кости.

– Не сейчас. – Моя просьба заставила Казарея улыбнуться. – Это хорошо, что ты заинтересовалась, но мы идем на ионных, а они мешают работе оборудования. Завтра Хиртшал поднимет паруса, и тогда мы будем двигаться тише. – Казарей в последний раз бросил взгляд на Гарваль, прежде чем закрыть дверь. – Черепу это нравится.

В тот вечер камбуз наполнился ароматами и паром, стол ломился от клеток с фруктами, супниц под крышками с вареными овощами и разными пряными сортами мяса, а также кружками и бутылками в металлической оплетке. Все это удерживалось на поверхности стола благодаря магнетизму.

От мерцания экранов и дисплеев, на которые никто не смотрел, дыхаль в помещении как будто наполнилась голубоватой дымкой. Когда мы прибыли, команда шумела: Мэттис заканчивал историю, что-то про другой корабль под названием «Убийца» и судьбу его капитана, чело- века по имени Ринн. Трисиль кашляла, потому что слишком много смеялась, Казарей пытался вставить слово, Ракамор слегка откинулся назад, как будто ему нравилось просто наблюдать за тем, как команда веселится. А они и впрямь веселились – по крайней мере, почти все. Прозор по-прежнему хмурилась, стоило ей заметить нас хоть краем глаза, Триглав все еще выглядел печальным и встревоженным, но его лицо просто было так устроено. Однако за столом был еще один мужчина, которого мы видели впервые, и он оказался разумником серьезней некуда. Это был Хиртшал. Пожилой, с тонкими чертами лица, усами и полумесяцем редких седых волос, обрамляющих макушку. Когда ему нас представили, он рассеянно кивнул, как будто не собирался утруждаться, запоминая наши имена, раз уж мы здесь ненадолго.

– Хиртшал, – представился он, прежде чем его вниманием вновь завладела стоящая на столе кружка.

– Хиртшал – наш парусный мастер, – подхватил Ракамор, как будто его работой было договаривать фразы за седого. – Если на борту и есть человек, которого нам всем надо уважать, то это он. Без Прозор и Мэттиса мы не сможем открывать шарльеры; без Трисиль не пойдем,

что взять с собой. Но без Хиртшала не вернемся домой. Будьте ласковы с Хиртшалом. Будьте особенно ласковы с Хиртшалом, когда у него был трудный день.

– Вы всегда были парусным мастером? – спросила я, чувствуя, что от нас ждут светской беседы.

Хиртшал вперил в меня взгляд – достаточно долгий, чтобы я почувствовала себя неуютно.

– Нет.

– Вы чем-то занимались раньше? – встряла Адрана.

Он так долго думал над ответом, словно она попросила перемножить в уме два длинных числа, а потом извлечь из результата кубический корень.

– Да.

Хиртшал отпил из кружки, задумчиво посасывая ее раструб, от чего у нас возникло ощущение, что далее последует некое продолжение этого заявления.

Но это было все. Его имя, одно «нет», одно «да» – больше мы от этого человека ничего не получили.

– Он немногословен, наш Хиртшал, – сказал Ракамор, прищулив глаза. – Но всегда честен. Я предпочту честного и надежного соратника, пусть даже молчаливого, тому, на кого не могу положиться.

– Казарей сказал: мы скоро пойдем под парусами, – заметила я.

– Да. – Хиртшал кивнул.

– А когда это будет? – спросила Адрана.

Он скривился, как будто выдавливая не еще одно слово, а камень из почек:

– Завтра.

– А нам можно на это посмотреть? – спросила Адрана.

Хиртшал размышлял так долго, что я уже начала сомневаться, не подшутили ли над нами обеими.

– Да.

– Вам точно надо поглядеть, как поднимают паруса, – сказал Ракамор, открывая клетку и доставая пригоршню каких-то фруктов. – Это важный момент в любой экспедиции, и он даст вам лучшее представление о том, как функционирует корабль.

– Как только обрасопим паруса по ветру, – сказал Казарей, – я покажу им комнату костей.

– Подключать будешь?

Казарей выловил кусок мяса из супницы, воткнув в него шампур. Столовых приборов не было, только шампуры.

– А почему бы и нет.

– Хорошо. Нет смысла откладывать неизбежное.

Помолчав, Казарей сказал:

– Они знают про Гарваль.

Ракамор приподнял бровь:

– Вот оно как, значит.

– Я бы... предпочел немного больше времени, чтобы их подготовить.

– Как и все мы. – Ракамор откусил кусочек фрукта. – Ты им сказал, что она явилась к нам под ложным предлогом?

– Да, сказал.

– Что мы провели все проверки, какие могли, и она все равно скрыла от нас свою истинную природу?

– Они поняли, что это ее вина, а не наша.

– Тогда с этим покончено. – Ракамор задумчиво пожевал. – Гарваль – это не секрет, и у нас нет причин ее стыдиться, как у Адраны и Арафуры нет причин беспокоиться, что их ждет та же судьба.

– Могу я кое-что спросить, капитан? – сказала я.

Он промокнул рот салфеткой:

– Несомненно.

– Гарваль выглядит очень больной. Я знаю, что она с... Казарей, как называется то место?

Тот вынул шампур изо рта и пробубнил, почти не разжимая губ:

– Превомар.

– С Превомара, – повторила я. – Раньше никогда о нем не слыхала. Но на Мазариле есть больницы и богадельни, и я знаю, что у нас умеют лечить душевные заболевания.

– Такое – вряд ли, – возразил Ракамор.

– И все-таки, неужели на Превомаре условия лучше? Я просто удивляюсь, почему вы не высадили ее с корабля, пока стояли возле дока Хадрамо. Ну почему не перевезли на катере? Вы же могли ее привезти, верно?

Подвергать его такому допросу было немного нагло с моей стороны. Я это знала, и Ракамор тоже.

Но мне нужно было спросить.

– Я объясню почему. – Он выдержал паузу, чтобы попробовать овощи. – Не потому, что мы жестоки или равнодушны к ее затруднительному положению. Дело в том, что я вынужден всегда ставить репутацию корабля превыше всего. За нами наблюдают конкуренты. Они вполне могут знать, что Гарваль была нашим последним рекрутом.

– И вы не хотели, чтобы они узнали про постигшую ее неудачу, – сказала я.

Ракамор нацелил на меня кончик своего шампура:

– В этом вся суть. Подобные новости быстро распространяются. Люди стали бы говорить, что у «Скорбящей Монетты» неприятности. Я такого не потерплю. Поэтому Гарваль останется с нами до тех пор, пока мы не убедимся, что у нас имеются новые – подлинные – чтецы костей.

– Возможно, так и есть, – сказал Мэттис, выбирая крошку из бороды.

– Ты так думаешь? – спросил у него Триглав.

– Ага. И я не стану выдирать кишки тому, кто со мной согласится.

– Мы довольно скоро окажемся вблизи от Превомара, – пообещал Ракамор. – А пока что о ней хорошо заботятся. Арафура, ты сказала, что не слышала об этом мире.

– Миров ужасно много, капитан.

Он взмахнул шампуром, признавая мой аргумент:

– Слишком много для всего серого вещества в одной-единственной голове – да, это правда.

– Девчушка говорит, она по книжной части, – заметила Прозор.

– Тебе стоит как-нибудь почитать книгу, Проз, – с улыбкой ответил ей Ракамор. – Проверить, сумеешь ли ты это сделать, не шевеля губами, – и если да, мы все будем очень впечатлены. – Это вызвало у Прозор новый хмурый взгляд, а у некоторых других – смех. Но внимание капитана все еще было приковано ко мне. – Ты же наверняка в какой-то момент видела «Книгу миров».

– У нас дома был экземпляр, – сказала я, а потом прибавила: – Но не последнее издание.

– У меня есть один... точнее, несколько экземпляров. Разных изданий. Помимо прочих книг. Когда закончите с Казареем и его костями, загляните ко мне. Ты тоже, Адрана, если такие вещи наполняют твои паруса.

– Возможно, – сказала моя сестра.

Ракамор поднял кружку, словно салютуя:

– Так должно быть. Прошлое – это все, что у нас осталось. Самое меньшее, что мы можем сделать, – это извлечь из него максимум пользы.

Если вы когда-нибудь пробовали спать в старом ворчливом доме, где шипят и лязгают трубы, скрипят полы, стонут стены, дребезжат стекла в окнах, то, возможно, вы на одну десятую представляете себе, каково это – спать на корабле вроде «Скорбящей Монетты». Если неустанные шумы корабля и затихали, то кто-то выкрикивал инструкции, кто-то называл время вахты или вопила безумная женщина, привязанная к кровати.

Стоило мне задремать на полчаса, как раздался тихий стук, и Мэттис отодвинул занавеску, которой была огорожена наша каюта, просунул в щель свою бородатую физиономию и сказал:

– Утренняя вахта. На камбузе есть горячий чай, в уборной – горячая вода. Вы сейчас чувствуете себя ужасно, но мы все когда-то провели первую ночь на корабле – дальше будет лучше.

– Сколько ночей это займет? – спросила Адрана.

– О, не много. Иногда всего-то двадцать.

– Спасибо, Мэттис.

Я дрожала, хотя ночью укрылась всем, чем только могла.

– Не спешите. Впрочем, канительется тоже не надо, если хотите увидеть, как поднимают паруса. Хиртшал уже начал.

Подъем парусов заставил всех понервничать. Хиртшал был мастером, он за свою работу отвечал, но если бы что-то пошло не так, половине команды предстояло нарядиться в скафандры и отправиться распутывать безобразия.

– У нас малочисленная команда, – сказал мне Ракамор, когда мы собрались у полусферического окна, наблюдая, как из корпуса выдвигается механизм управления парусами. – Не только потому, что легкий корабль – быстрый корабль. Это позволяет нам не делить прибыль на слишком много частей.

– Я хочу научиться всему, чему можно, – сказала я.

Он кивнул:

– Прекрасная позиция. И ты научишься – в пределах разумного. Носить скафандр, управлять шлюзом, ориентироваться снаружи корабля – это базовые навыки выживания. А кое-какие знания из других областей всегда полезны. Тебе пригодится немного сведений про шарльеры, немного – про реликвии и так далее, хотя бы потому, что так ты научишься должным образом уважать те сферы, в которых не разбираешься. – Его челюсть напряглась. – Но с чтецами костей мне приходится поступать особым образом. Вас мало... слишком мало, чтобы подвергать тем рискам, которые другие члены команды естественным образом принимают.

Стоящая рядом с нами Прозор сказала:

– Он имеет в виду, деточки, что вас будут баловать, так что привыкайте.

За стеклом шипы, которые были сложены вдоль корпуса «Монетты», выпрямлялись – как будто сердитая рыба ощетинивалась, защищаясь от врага. Это были опорные точки для такелажа – тонких нитей, связывающих корабль с парусами. Под наблюдением Хиртшала они должны были все время то натягиваться, то ослабевать, сообразно крошечным сдвигам в солнечном потоке и поправкам в наш курс, которые были на уме у Ракамора.

– Мы не выпускаем все гроты за один раз, – говорил он тем временем. – Они запутаются и порвутся. Хиртшал сперва использует стабилизирующие паруса. Видите – вон они, разворачиваются примерно в лиге от нас? Они выберут слабинку в снастях, хорошенько их натянут и выровняют, и тогда мы выпустим гроты, тысячу квадратных лиг отражающей поверхности.

Капитан как-то по-особенному, раскатисто произносил слово «гроты».

– Может показаться, что это просто, – продолжил он. – На самом деле все совсем не так. Паруса – штука в той же степени хитрая, в какой деликатная.

Хиртшал уже был снаружи – стоял, обутый в магнитные ботинки, на спине «Монетты», орудуя рычагами на пульте управления, который выдвигался из ее корпуса именно для операций подобного рода. Если бы что-то заклинило или запуталось, он мог с этим разобраться, пока все не усугубится. Катер тоже на всякий случай приготовили, если вдруг что-то пойдет не так в десятках лиг позади корабля.

Но все шло хорошо. Стабилизирующие паруса раскрылись, расцвели, как хромированные цветы, и, в свою очередь, помогли развернуть гроты – замысловатую конструкцию из переплетенных ячеек. Не будет преувеличением сказать, что это было и впрямь чудесно: они постепенно раскрывались, разъезжались в стороны по швам, которых мы и не замечали, слой за слоем, делаясь все больше и больше. Весь процесс напоминал карточный фокус, который какой-нибудь разумник в Нейронном переулке демонстрирует с лукавым блеском в глазах. Паруса сверкали перед нами, и серебристая поверхность каждой грани отливала алым и пурпурным, отражая прошедший сквозь облако миров свет Старого Солнца. Такелаж был невидим, но он уже натянулся, приводя корабль в движение. Оттого скрипы и стоны «Монетты» зазвучали в иной тональности. Теперь в них слышалось рвение. Корабль стремился в путь, желал поймать фотонный ветер.

И мы полетели. «Скорбящая Монетта» больше не ползла на ионной тяге, не опасалась приблизиться к гравитационному колодцу какого-нибудь поглотителя. Она стала тем, чем и должна была стать, – покорительницей бескрайнего вакуума, обительницей Пустоши.

Настоящим солнечным парусником.

Казарей крутанул колесо, открывающее дверь в комнату костей.

– Войдите, – тихо сказал он. – Только ничего не трогайте... пока что.

Адрана вошла первой. Я следовала за ней по пятам, стараясь не отрываться от стены. За мной был Казарей, который, повернув внутреннее колесо, закрыл дверь так, что она плотно прижалась к раме.

Внутри было тихо. Я не слышала ни системы жизнеобеспечения, ни механизмов управления парусами – раздававшиеся время от времени жужжание и вой лебедек и шкивов стали привычными с тех пор, как «Монетта» выпустила паруса, – и никаких отголосков обычного шума и болтовни команды.

Комната представляла собой сферу около пятнадцати пядей в поперечнике, и череп плавал посередине, словно главный экспонат в художественной галерее. Он покоился в чем-то вроде упряжи или каркаса из металлических прутьев, который крепился к стенам десятками пружин.

– Чем тише и спокойнее среда, в которой мы его содержим, тем лучше, – сказал Казарей. – Триг отключил ионные, и это упрощает дело, но хватит одного толчка, чтобы что-то расшаталось.

От передней части до задней в черепе было примерно столько же, сколько в Адране от пяток до макушки, – где-то восемь пядей. Цветом он напоминал больной зуб, прогнивший до основания. И совсем не походил на череп обезьяны: имел вытянутое рыло и челюсть, как будто принадлежал какой-то гигантской лошади, а не разумному индивиду. Он состоял из множества частей, соединенных вместе точно головоломка. Поперек него бежал темный разлом, края которого соединяли швы, выглядевшие ступеньками металлической лесенки. Кто бы ни проделал эту работу, он потрудился давным-давно и очень тщательно.

А еще в черепе во множестве мест были просверлены дыры и вставлены затычки. Тонкие щупы и провода проникали сквозь кость в то, что было не совсем пустотой.

– Расскажите мне, что вам известно, – попросил Казарей чуть слышным шепотом.

– Он старый, – ответила я.

– Насколько старый?

– Никто не знает, – сказала Адрана.

– Хороший ответ. И к тому же правильный. Черепа находили во время Шестого и Седьмого Заселений, но кто бы их ни оставил, он побывал в наших краях гораздо раньше. Морфологически они не соответствуют ни одному виду пришельцев, о которых нам известно: ни ползунам, ни жалохвостам, ни клыкачам. Некоторые так называемые спецы думают, что черепа принадлежат костякам или жукоглазам, но я достаточно навидался тех и других, чтобы понимать – это не так. Сам я предполагаю, что разумники, которым принадлежали эти кости, умерли задолго до того, как люди научились ходить. Черепа здесь оставили какие-то другие пришельцы, и они использовали их совершенно так же, как мы, – в качестве своеобразного трещальника.

Мы вглядывались в тайны черепа, стоя по разные стороны.

– Он не пустой, – сказала Адрана. – Внутри есть маленькие огоньки, которые то вспыхивают, то гаснут.

– Какой бы разум ни обрелся в этом черепе, – объяснил Казарей, – он давно исчез. Серого вещества, мозговой ткани совсем нет. Если вообще что-то такое в нем раньше было. Но механизм, который существовал в том мозгу, остался. Мигальная начинка по-прежнему мигает. Что-то происходит. Что именно – мы не знаем. Он пытается восстановить контакт с себе подобными? Послать сигналы домой, в ту часть Вихря, откуда они пришли? Поет бесконечную песню смерти? Понятия не имею, и лучше не заикливаться на этом. Важно то, что мы можем сделать с этими мерцающими узорами. Мы можем запечатлевать на них наши собственные послания, использовать их в качестве несущих сигналов. – Он кивнул на оборудование, развешанное по стенам, аккуратное, чистое и организованное. – Вот для чего все эти приборы. И работа чтеца костей заключается в том, чтобы отправлять и получать вложенные сообщения. Череп не будет работать с первым встречным. Бывают дни, когда и у меня ничего не получается. Но у вас лампы светятся как надо. Готовы попробовать?

Я уже собиралась ответить, но Адрана меня опередила:

– Да.

– Позади тебя. Аппарат, прицепленный к стене. Надень его на голову.

Это было тонкое металлическое приспособление, нечто среднее между короной и пыточным устройством. Она закрепила его на голове, поправила волосы, чтобы не мешали. Пара металлических муфт закрывала ее уши, и еще было что-то вроде забрала, которое можно было надвинуть на глаза.

– И ты тоже, Арафура.

Я отцепила собственный аппарат и надела его на голову – не так красиво, как это получилось у Адраны.

– Это нейронный мост. Ничто из этого оборудования не работает без моста. Чтобы разговаривать с черепом, нужно соответствовать тому, чего он от тебя ждет. Сообщения приходят почти подсознательно – все равно что уловить едва слышный шепот, принесенный ветром. Мост – это фокусирующее устройство, усилитель.

– Ничего не чувствую, – сказала я.

– Ты еще не подключена. Вытяни контактный провод, подключенный к мосту. Размотай его полностью.

Провод представлял собой изолированную катушку, подсоединенную к левой стороне моста. На конце у него было небольшое утолщение.

– Провод можно подключить к любому из шупов на черепе или подсоединиться к какому-нибудь другому проводу. Главное – действовать с осторожностью. Обычно одного соединения

достаточно, но можно подключиться к нескольким контактными зонам, если надо отследить слабый сигнал. На стене есть разветвитель.

Адрана была смелее меня, но даже она не решалась сделать последний шаг и подключиться. Я разделяла ее опасения. В моей голове вертелась упрямая мысль о том, что, как только контакт состоится, я испытаю некий психический толчок, вроде удара током.

Еще я думала про Гарваль, привязанную к кровати.

– Все в порядке, – мягко проговорил Казарей. – Просто сделайте это. В первый раз никто не получает острые ощущения в полном объеме. То, что случилось с Гарваль... – Он покачал головой, прогоняя какую-то мысль. – Вам повезет, если хоть что-то услышите, даже если у вас есть талант.

Я выбрала щуп возле открытой глазницы и вставила провод. Не желая быть второй, Адрана подключилась почти в ту же секунду. Череп слегка подпрыгнул на пружинах, но уже через несколько мгновений движение прекратилось.

Мы посмотрели друг на друга сквозь него, проверяя, кто же из нас первой ощутит всплеск острой боли, свидетельствующий о контакте.

– Когда у вас будет побольше опыта, когда вы запомните расположение щупов, вам будет удобнее работать в темноте. А теперь опустошите разум. Пусть ваши чувства успокоятся. Я буду хранить молчание.

Ничего не происходило.

Я понимала, что задерживать дыхание бессмысленно – да мне и не удалось бы терпеть так долго, – но в остальном попыталась успокоиться, выкинуть из головы все мысли, превратиться в комнату с открытой дверью.

Я сделала единственное, что сумела придумать, – стала ждать.

Адрана тоже ждала. Мы обе глядели вниз, но время от времени, не в силах сдержаться, поглядывали друг на друга, проверяя, как идут дела. Раз или два наши взгляды встретились; мы почувствовали себя очень глупо и поспешно отвернулись, но стремление посмотреть друг на друга снова нарастало, и в конце концов так мы и поступали.

Через пару минут я решила зажмуриться и не обращать внимания на то, что Адрана могла последовать моему примеру.

Казарей присутствовал, но не издавал ни звука, не делал замечаний. И по-прежнему ничего не происходило: я не слышала ни шепота на ветру, ни даже намек на сам ветер. Только тишину; и в моей голове постепенно обрисовывалась абсурдная идея о том, что ничего не получается – и вполне может не получиться.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем Казарей заговорил:

– Отключитесь. Попробуйте другие щупы, ближе к основанию.

Мы сделали, как он предложил, на этот раз побеспокоив череп гораздо меньше, выдергивая и снова вставляя провода.

Я по-прежнему ничего не чувствовала. Но чтобы продемонстрировать решимость, парила в невесомости с закрытыми глазами, желая, чтобы нечто – хоть что-нибудь – вошло в мою голову.

– Кажется... – начала Адрана.

И замолчала.

– Ты ощутила контакт? – спросил Казарей.

– Даже не знаю. Может, ничего и не было. Оно появилось и исчезло, как будто кто-то стоял позади меня на протяжении секунды. Какое-то холодное присутствие.

– На первом сеансе лучше не увлекаться чтением. Чем больше желаешь контакта, тем вероятнее, что ты его придумаешь.

Подавленная, я сняла с головы нейронный мост, привела в порядок волосы там, где они примялись.

– Может, она ошиблась насчет нас, Казарей?

– Когда я начинал, просидел здесь три недели, прежде чем поймал хоть проблеск сигнала. Череп – штука своенравная. Он должен был сперва ко мне привыкнуть и лишь потом захотел поговорить.

Адрана освободилась от нейронного моста. Мы отключились от черепа и повесили мосты на их положенные места на стене.

– Думаю, в следующий раз повезет больше, – сказала я.

– Удача не имеет с этим ничего общего, – возразил Казарей. – Я по лампам вижу, что способности у вас есть – ошибки быть не может. Вы все преодолеете, и эти кости обязательно заговорят. – Затем он подошел к стене и взял один мост для себя. – Обычно лучше работать в одиночку. Но можете посмотреть, если хотите.

– Я думала, тебе становится все сложнее с этим справляться, – заметила Адрана.

– Так и есть.

Казарей надел мост, поправил, чтобы штуковина плотно легла на его светлые локоны, и, размотав контактный провод, вставил его в несколько щупов подряд. От сосредоточенности его лицо превратилось в маску, но через некоторое время он слегка расслабился, еле заметно кивнул и вполголоса произнес:

– Слышу. Сегодня он слабый, так что не переживайте из-за того, что у вас ничего не получилось. – Потом чтец начал бормотать. Его глаза были открыты, но начали закатываться под веки. Мы улавливали слова, фразы, но смысла в них не было. – У процессий в Солнечных Краях... через две орбиты от Разрыва Дарган. Ауспиции предвещают открытие Жемчужины Сундабара. «Огненная ведьма» спустила паруса вблизи Аузара – требуется помощь. Глаз Ведзы закроется через восемь дней восемь часов.

И тому подобное. Он бормотал вот так две или три минуты, прежде чем его взгляд снова сделался осмысленным, как у человека, который пробудился от спокойного сна. Он поднял руки к нейронному мосту:

– Вы меня слышали?

– Да, – ответили мы.

– Я не всегда запоминаю все. А многое не стоит запоминать – это просто шум, который и не нужно пересказывать капитану Ракамору.

– А то, что было в этот раз? – спросила я.

– Слышали, как я говорил об ауспициях? Это полезные знания. Разведданные. Кто-то что-то знает о том, где и когда откроется шарльер и как надолго. Обладающий таким знанием может организовать экспедицию или испортить ее кому-нибудь другому.

– Тогда зачем ими делиться? – спросила Адрана.

– А это не нарочно. – Казарей отсоединился от черепа и повесил нейронный мост на стену. – Мы, как правило, действуем в одиночку, но можем иногда помогать другим кораблям, если они в прошлом оказывали капитану какую-нибудь услугу. Но есть корабли, которые постоянно работают вместе. Ими руководят правительства или частные картели. И им надо общаться, чтобы координировать свои усилия. Трещальник для этого подходит, но он медленный, сообщения легко перехватить, и сигналы не всегда проходят через все Собрание, в особенности если Старое Солнце устраивает шторм. Сверхсеть – так мы называем систему черепов – намного, намного быстрее, ее трудно заглушить, и сигнал почти не ослабевает.

– Но ты его только что подслушал, – заметила я.

– Берут особым образом подобранные черепа, пары считывателей и помещают на разные корабли. Но если ты хорош – если у тебя достаточно опыта и очень чувствительный череп, вроде этого, – тогда можно уловить отголосок шепота. – Казарей скромно пожал плечами. – Ну, с моих слов кажется, что это просто.

Я улыбнулась:

– Да не особенно.

– Ты сказал, что сигнал трудно заглушить, – проговорила Адрана. – Но не сказал, что это невозможно. А что для этого нужно сделать с черепом?

Ее вопрос прозвучал достаточно невинно. Однако что-то омрачило лицо Казарея, когда он нам ответил:

– Ничего такого, о чем вам стоило бы беспокоиться.

Глава 4

Мне доводилось бывать в более крупных и величественных библиотеках, чем у Ракамора, но я могу с уверенностью сказать, что никогда не была в библиотеке на корабле или в такой, где полки имели бы столь изогнутые, стремительные очертания и было бы столь много странных и старых книг. Она располагалась в передней части «Монетты», в комнате, соединявшейся с его личным камбузом и каютой, и у меня сложилось впечатление, что Ракамор любил ее больше всех прочих мест на борту.

– Теперь, когда мы под парусами, тебе будет легче, – сказал он, вставая и упираясь ботинком в поручень под нижней полкой. Он все еще был в белой рубашке и кожаном жилете, но распустил волосы так, что они черным веером рассыпались по шее и плечам. – Мы идем в два раза быстрее, чем на ионной тяге, так что у внутреннего уха меньше причин для беспокойства. Должен признаться, я всегда испытываю некоторое волнение, пока мы не поднимаем паруса.

– А паруса понесут нас до самого шарльера, капитан?

– Более или менее. – Он устремил на меня внимательный взгляд. – Ты хоть представляешь себе, как мы перемещаемся в пространстве?

– Солнечный ветер дует в паруса. Паруса двигают корабль. Прямо как лодку по воде.

Он улыбнулся:

– Ну, не совсем. В некоторых мирах есть маленькие моря, и люди плавают по ним, я знаю. Но это не то же самое, что солнечное плавание. Лодка может плыть против ветра, но мы не можем – нет никакой другой среды, против которой мы могли бы двигаться, подобно тому как киль лодки взаимодействует с водой. Так что мы не можем лавировать, в морском смысле. Но мы можем использовать орбитальную механику в своих интересах. Мы находимся в гравитационном колодце, и это означает, что у нас есть угловой момент, с которым можно поиграть. С помощью парусов можно наращивать или сбавлять скорость нашего движения вокруг Старого Солнца, наклоняя их так и этак, – значит, при должном терпении мы можем перемещаться между орбитами. Терпеть приходится почти всегда. А на случай спешки есть ионный двигатель. Паруса также могут служить в качестве коллекторов энергии – у них есть как отражающая поверхность, так и поглощающая, и Хиртшал может поворачивать к Солнцу ту или другую. Нет такой части Собрании, до которой мы не могли бы добраться за два года плавания, а многие миры от нас в неделях или месяцах пути – некоторые даже ближе.

– Сколько таких миров вы видели, капитан?

– Можешь отбросить формальности, Фура. Я же тебя сюда пригласил, верно? – И все же он призадумался над ответом. – Должно быть, меньше сотни. Значит, на каждый мир, где я побывал, приходится по меньшей мере две сотни, которые мне еще предстоит увидеть. И это лишь малая толика всех миров – те немногие, которым мы дали имена и нашли способ на них жить. – Он подозвал меня ближе. – Ну вот. Мы уже говорили про «Книгу миров». Я думаю, это может тебя заинтересовать.

Было немного неловко оставаться с ним наедине. Адрана никогда не интересовалась книгами так сильно, как я, поэтому она задрала нос, стоило мне упомянуть о посещении его библиотеки. Я не увлеклась Ракамором, что бы она себе ни вообразила. Он был достаточно красив, но намного старше меня, и в нем было что-то чопорное и серьезное, что делало его похожим, скорее, на дядю или учителя. Не то чтобы я имела что-то против него, – впрочем, в тот момент у меня было не много шансов узнать его по-настоящему. Но он был капитаном, а я – новичком, и было правильно и логично вести себя робко и почтительно рядом с ним.

По правде говоря, что бы я ни думала о Ракаморе, в его книги я действительно влюбилась.

– Они не могут быть настоящими. Их не может быть так много, таких разных, собранных в одном месте...

В его ответе я уловила гордость.

– Они настоящие. Все до единой.

Я пересчитала черные корешки, прочитала тонкие серебряные буквы, отметила постепенное изменение стиля письма – от наклонного к прямому и обратно к наклонному. У него было двадцать изданий «Книги миров», гораздо более ранних, чем мне когда-либо приходилось видеть.

Протянув руку, я тут же отдернула ее, как будто собралась взять не тот нож из лежащих на столе.

Ракамор улыбнулся:

– Смелее.

Самое раннее издание в потертом кожаном переплете показалось мне очень хрупким на ощупь. Том был тяжелый, хоть заметно уступал по количеству страниц экземпляру, который хранился у нас дома. Я принялась осторожно его листать, боясь оторвать какой-нибудь лист от переплета. Шрифт был старомодный, слова иной раз оказывались незнакомыми, а фразы – архаичными, если я вообще могла понять их смысл. Еще мне померещилось, что во всей книге было меньше записей, но каждой отводилось гораздо больше места, чем в фолианте, который принадлежал нам.

Я поискала Мазариль, но его там не было.

– Этой книге девятьсот лет, – тихим, благоговейным тоном сказал Ракамор, как будто мог пробудить некоего призрака или духа, скрывающегося в фолианте, если бы заговорил слишком резко. – В ней всего лишь пять тысяч записей. Число миров, занятых людьми, составляло примерно четверть от сегодняшнего. Предположительно, есть и более ранние издания – чем они старше, тем реже встречаются, – но мне такие никогда не попадались. Эти книги прослеживают нашу экспансию от единственной отправной точки – постепенное распространение от мира к миру, поначалу медленное и трудное. Потом у нас это стало получаться лучше, мы ощутили уверенность, и число населенных миров перевалило далеко за десять тысяч. – Он забрал у меня старое издание, положил обратно на полку и провел пальцем вдоль ряда корешков. – Вот. Издание тысяча триста восемьдесят четвертого года. Четыреста пятнадцать лет назад. – Капитан вытащил том, сдул с него пыль, погладил пальцем переплет и протянул мне. – Гораздо больше страниц и меньше строк на запись. В тот период существовало семнадцать тысяч обитаемых миров, и скорость экспансии замедлялась. В Собрании, возможно, существуют пятьдесят миллионов потенциальных миров, но мы можем жить лишь на двадцати тысячах из них. Остальные распахнуты настежь – ни дышали, ни воды, и слишком сложно было бы их запечатать, чтобы доставить и то и другое, даже если бы мы этого захотели. Или наоборот, полностью закупорены – не поймешь, как войти или выйти. Или в каком-то ином смысле враждебны для переселенцев – служат местом обитания всяких плохих вещей, оставшихся после прошлых Заселений. Окутаны полями-шарльерами, которые мы не можем взломать и которые не демонстрируют признаков того, что откроются в ближайшее время. Вот в чем чудо и досада, Арафура: в нашем распоряжении пятьдесят миллионов призов, но мы не сможем узнать, что кроется внутри большинства из них, прежде чем наше время истечет.

Я отыскала Мазариль:

Процветающий сферический мир в тридцать пятой процессии, диаметром в восемь лиг и одну треть. В центре размещен поглотитель. Семь основных поселений, из которых Хадрамо и Инсер – крупнейшие. Противостоящие друг другу космодоки подлежат улучшению. Население согласно последней переписи: два миллиона и четыре пятых...

– Наше время, – повторила я с легкой дрожью. – Вы думаете, оно истечет?

– Безусловно. Ты видела Зал Истории на Мазариле: подобные места существуют в большинстве миров. Каждая из тех цветных полос символизирует империю, доминион, парламент

миров, совсем как наш. Предыдущие Заселения, ранние этапы экспансии, распространение по мирам и застой. Все миновало. То же самое в конце концов случится и с нами.

– Но не сегодня.

– И надеюсь, не завтра, поскольку мне еще предстоит расплатиться с некоторыми весьма обременительными долгами. – Ракамор взял у меня книгу – я только перелистывала страницы, не в силах ничего разобрать, – и повел вдоль полок. – Пойми эту библиотеку, и ты уже на полпути к пониманию меня. Солнечные парусники не наполняют мои паруса. Шарльеры – тем более. Но наполняет то, что содержится в шарльерах, особенно если оно дает нам некоторое представление о прошлом. – Он выхватил какой-то том и открыл. Вместо страниц под обложкой обнаружился лишь молочный прямоугольник, похожий на пластину непрозрачного стекла. – Что бы это ни было, теперь оно не работает. Иногда сквозь белизну бегут какие-то помехи. Однажды мы попали в солнечный шторм, и такелаж загорелся призрачным огнем, а половина немых книг в этой комнате вспыхнула и начала показывать картинки и слова. Но все они оказались на неизвестных мне языках, и не успел я выписать больше, чем несколько фрагментов, как шторм пошел на спад.

– Неужели все старые книги такие?

Он покачал головой:

– Нет. Некоторые написаны обычным способом, и иногда у ученых случаются прорывы в изучении языков. Но только обезьяньих – с языками пришельцев ничего не выходит.

– Я видела в Хадрамо ползуна. – Мне почему-то захотелось ему об этом рассказать, и я вспомнила, как пришелец с шарканьем продвигался следом за мужчинами в скафандрах в Нейронном переулке. – Их язык нам известен, верно?

– Только потому, что они сообразовали нас ему обучить. Но вот что я тебе скажу: мы о ползунах не знаем ничего такого, чего они бы не хотели, чтобы мы узнали.

– Но ведь они нам помогают?

– На свой лад. Они помещают зеркала на высокие орбиты, чтобы мы могли более эффективно использовать солнечное давление. Они разбираются в поглотителях лучше, чем мы, и могут остановить столкновение миров, когда их орбиты начинают искажаться. Я не говорю, что они не принесли нам пользы. Но почему из всех других мест в Вихре они выбрали именно это?

– Возможно, там нет никого, чья компания была бы им так же приятна, как наша.

– Наверное, – сказал Ракамор.

– Хорошо, что они управляют банками вместо нас, не так ли? Мой отец говорил, у нас с этим ничего не вышло. Катастрофа тысяча пятьсот шестьдесят шестого года подтверждает его слова, верно? Сотни миров обанкротились, потому что люди недостаточно честны, чтобы управлять деньгами в таких масштабах. Люди голодали, по-настоящему голодали и умирали из-за жадности и некомпетентности банкиров. Но пришельцам не нужны деньги – во всяком случае, наши деньги, – так что нет причин им не доверять в этом деле.

– В твоих словах есть доля правды, – сказал Ракамор. – Но кое-кто мог бы указать, что ползуны появились в Собрании незадолго до краха. За пятьдесят лет. Может, меньше. Они были новичками, такими же, как нынешние броненосцы или щелкуны. Наверное, это совпадение.

– Э-э, что?

Ракамор пожал плечами, как будто эта тема вообще не заслуживала того, чтобы в нее углубляться.

– Я слишком люблю предаваться размышлениям. Если искать закономерности, ты их найдешь – с той же уверенностью, с какой моряки видят силуэты былых возлюбленных в колыпании фотонных парусов. Но наверное, это дает мне повод продолжать поиски, и иной раз находка оказывается не тем, что ищешь, а чем-то гораздо лучшим. Кто знает, что мы обнаружим, если не в этом шарльере, то в следующем?

Незачем было спрашивать, как далеко нам еще лететь. Я полагала, что рано или поздно узнаю ответ. Но не могла перестать думать о ползуне, о похожем на ус придатке, который то и дело высовывался из его хоботка, вытягивая молекулы из дышали, улавливая химическую вонь богатства.

Казарей продолжал заниматься с нами в комнате костей. Мы проводили два сеанса в день: один – во время утренней вахты, второй – после полудня. Рутинная не менялась. Мы надевали нейронные мосты, подключались, опустошали разум и пытались уловить шепот, принесенный ветром. Первый день был неудачным, два сеанса второго – не намного лучше. Даже Адрана не осмелилась утверждать, будто что-то услышала, пусть Казарей и сказал ей, что череп и впрямь получает какой-то сигнал.

Однако на второй сессии третьего дня, перепробовав пять или шесть различных точек ввода, Адрана напряглась. К тому времени я уже наблюдала за ней, уверенная, что мои собственные усилия ни к чему не приведут.

– Что-то... – прошептала она. – Голос. Слово, очень четкое. Как будто кто-то только что произнес его в моей голове.

– И что за слово? – спросил Казарей.

– Даксиан.

Спустя пару секунд он спросил:

– Ты когда-нибудь слышала это название раньше?

– Нет, – ответила Адрана.

– Думаю, это мир. Один из заселенных. Колесный, достаточно глубоко относительно нас.

– Может, она читала о нем в «Книге миров», и слово застряло в памяти, – предположила я.

– А может, она ничего не читала, – огрызнулась Адрана.

Казарей заставил ее попробовать несколько других входов, но ничего принять не удалось. Нацепив нейронный мост, он сам сумел уловить единственный сигнал лишь на том входе, где Адрана услышала слово «Даксиан».

– Сегодня как-то слабовато, – сказал он, глядя на нее со смесью сомнения и благоговения. – Если ты хоть что-то из этого поняла, проведя в костяной комнате всего три дня...

– Давай я еще раз попробую, – сказала она.

– Нет, мы не можем торопиться. Твой мозг привыкает к черепу, в точности как череп приспособливается к тебе. Завтра повторим. И ты тоже, Арафура. Если твоя сестра сумела настроиться так быстро, ты наверняка недалеко от нее отстала.

Я тоже проверила, что это за мир. Поискала его в «Книге миров» того же издания, которое было у нас дома. Открыла ее на странице, где должно было быть написано про Даксиан, если он существовал.

Дастрогар

Даксперил

Дазазот

Но никакого Даксиана. Я вложила книгу на место, уверенная теперь, что моя сестра не смогла бы почерпнуть название из этого издания. Я провела пальцем по корешкам других изданий, пока не добралась до самого нового экземпляра в коллекции Ракамора, и пролистала его до записи о Даксиане. Она нашлась:

Колесный мир в третьей процессии. Заселен менее века назад авантюристами-экспансионистами из сопряженных миров Трисп и Тренигер. Диаметр: шестьдесят шесть лиг. Спин-генерируемая гравитация на внутренней поверхности: девять десятых джи. Население: один миллион триста тысяч по данным последней переписи...

Позже, когда мы остались одни, я спросила ее, как это было.

– Это не было похоже на голос, – произнесла она, подумав несколько секунд. – Я знаю, что так сказала, но ничего лучше не пришло мне в голову. Это было что-то иное. Если голос сравнить с выпуклыми, выделяющимися буквами, то это было наоборот. Как будто слово затолкали в тишину – тем же способом, каким его вырезают в глине. Тишина не должна иметь таких свойств. – Она помедлила – я знала, что моя сестра изо всех сил старается облечь в слова то, что можно объяснить лишь с помощью особых, чужеродных терминов. – За этим словом скрывался разум. Обезьяний разум, вроде нас с тобой, где-то в комнате костей, подключенный к черепу пришельца. Но помнишь, что сказал Казарей о несущих сигналах: все, что мы делаем, – это запечатлеваем наши собственные сообщения на чем-то другом? Под этой передачей скрывался еще один разум. Что-то мертвое, холодное и очень-очень чужое. И все же оно мыслило или пыталось мыслить.

– В черепе нет мыслей, – возразила я. – Нет нейронного материала. Казарей так сказал!

– Он солгал. – Она зевнула и одновременно пожала плечами. – Может, на самом деле он сам ничего не понимает – или думает, что мы не понимаем. Но там что-то есть, и я это заметила, мельком, на один яростный миг. Я тоже солгала.

– Насчет слова?

– Нет. Насчет желания вернуться и послушать опять. Я не хочу этого, Фура. Как будто кто-то открыл холодное окно в основании моего черепа, в комнате, о которой я не знала, и впустил нечто – и что бы это ни было, оно все еще со свистом носится туда-сюда в подвале моего мозга.

– Но ты вернешься.

– Да, – сказала она через мгновение. – Конечно.

Я помедлила у открытой двери на мостик. Вечерняя вахта подходила к концу, и Ракамор был там – сидел спиной к входу, закинув на консоль ноги в ботинках. Казалось, всю паразитологию просто закинули внутрь, и в совокупности с запутанными узлами кабелей и проводов помещение напоминало гнездо какого-то животного, собранное из блестящих кусочков мусора обезьян и чужаков. Там были мерцательники, показывающие виды корабля и передачи системы дальнего действия, как будто состоящие из царапин. Зеленый круг подметалы находился перед Ракамором, и желтая полоса вращалась внутри как обезумевшая стрелка часов. В глубине дисплея виднелось желтое пятно – оно едва успевало потускнеть между оборотами.

– Вы хотели меня видеть, сэр?

– Входи. – Его голос звучал тихо и устало. – Прозор показывала вам эту комнату, когда вы поднялись на борт, не так ли?

– Не совсем так, сэр. Честно говоря, Прозор очень спешила от нас избавиться.

Капитан держал в руке небольшой металлический прибор. Он двигал пальцами взад и вперед по пружинам, наработывая силу. Эту привычку я заметила – у других членов экипажа.

– Тебе не следует придавать этому слишком большое значение. В глубине души Прозор – хороший человек. После того, что случилось в Клыкe... – Тут он осекся. – Не важно. Некоторое время назад через трещальник мы получили сообщение от Видина Квиндара. – Он скорчил такую гримасу, какую обычно делают, когда вгрызаются во что-то кислое. – Квиндар – человек, которого легко купить, Фура. Я имею дело с такими, как он, только потому, что альтернативы, как правило, хуже.

– Так что же с мистером Квиндаром, сэр?

– Он просил меня передать тебе... и твоей сестре... что теперь действует в интересах вашего отца.

Я моргнула. Я поняла слова, но не смысл.

– Не понимаю, сэр.

– Твой отец нанял Квиндара, чтобы ускорить ваше с сестрой возвращение на Мазариль. – Ракамор ткнул пальцем себе в лоб, словно проверяя, сильно ли болит синяк. – Похоже, мы слишком поспешно признали законность опекунов Адраны. На бумаге все выглядело герметично, как надежный резервуар для дыхания, но Квиндар отыскал множество нюансов, которые Казарей либо пропустил, либо посчитал не имеющими отношения к вашему делу. Теперь оказалось, что все наоборот.

– Подождите, сэр. У отца и так денег не осталось. Он не может позволить себе нанять кого-либо, не говоря уже о Квиндаре.

– Там, где есть пути, Фура, обычно есть и средства. К сожалению, я преступил закон – по крайней мере, в том, что касается опекунов.

– Это не ваша вина, сэр.

– Текущая проблема не в вине. Я не желаю зла твоему отцу и уж точно не собираюсь связываться с семейным правом Мазарилья. Вы обе подаете надежды – огромные надежды. Но теперь я думаю, не лучше ли мне избавиться от новой проблемы, прежде чем усугубились старые.

Я сглотнула:

– От меня, сэр... или от нас обеих?

– Я бы не стал разлучать вас. Будь все как обычно – учитывая, что мы идем под всеми парусами по намеченному маршруту, – я не смог бы вернуть вас домой. – Он кивнул на подметалу. – Ты видишь это эхо?

– Это большое пятно, сэр?

– Нет, это наша собственная тень. Подметала прикреплен к корпусу снаружи и не видит того, что скрыто за нашими собственными парусами. Четверть неба для нас потеряна, однако это на самом деле не важно: большая часть того, о чем стоит беспокоиться, может подобраться сзади, а не спереди.

Пружины скрипели под его пальцами, заставляя мышцы вдоль всей руки напрягаться.

– О чем вы, сэр?

Он коснулся пальцем края экрана:

– Вот это далекое размытое пятно – дальнее эхо от «Железной куртизанки».

– У нас неприятности?

– Вряд ли. Я достаточно хорошо знаю Джастрабарска, кража чужого трофея – не то, чем он занимается. Тем не менее он человек вежливый и ближе не подойдет. Но эта встреча дает нам шанс. «Куртизанка» только что завершила обследовать шарльеры и вернется к Тревенца-Рич гораздо быстрее, чем мы. Нам обоим это будет стоить времени, и все-таки – если я сочту, что так правильно, – можно организовать randevu, чтобы перевезти вас на другой корабль. В Тревенца-Рич вам не придется долго ждать попутного корабля обратно к Мазарилью, и я позабочусь, чтобы у вас были средства на оплату проезда.

– Но мы только что присоединились к команде. Мы только начали осваиваться...

Он посмотрел на меня с оттенком скептицизма:

– Неужели?

– В достаточной степени, сэр. Я знаю, не надо торопить события.

– Так и есть. Как правило, к новичкам начинают относиться теплей, когда те берут на себя готовку. Даже Прозор в конце концов добрее, как только набьет желудок. Надеюсь, вы уже поняли, что мы не чудовища.

– Я никогда не считала вас чудовищами, сэр.

– Слышу в твоей фразе «но».

– Это ведь правда, что время от времени вам приходится принимать трудные решения, верно? Как с Гарваль и тем, что ее не отвезли домой, хотя она так плохо себя чувствует?

– Видимо, ты думаешь, что ее судьба мне безразлична.

Я прикусила язык, решив, что уже сказала больше, чем следовало.

– Это не мое дело, сэр.

– Но у тебя все написано на лице. Все в порядке, Фура, – говори, что думаешь. Послушай, я тебе обещаю: в конце концов мы вернем Гарваль домой.

– Но она уже не будет прежней, верно?

– Нет, но никто из нас не будет таким же, как в тот день, когда ступил на борт этого корабля. Череп свел ее с ума, но нет никого, на ком бы он не оставил какой-то след. Однако вот что тебе надо понять: покажи, на что ты способна, – покажи всей «Монетте» и мне лично – и у тебя никогда не будет более преданной команды. – Он вздохнул, как будто ему нужно было что-то сказать и он уже достаточно долго сдерживался. – Могу я говорить откровенно?

– Разве мы не этим сейчас занимаемся?

Он улыбнулся, но это была грустная улыбка.

– Когда-то у меня была дочь, и я ею очень дорожил. Она ходила со мной в рейсы куда угодно, знала корабль от парусов до трещальника. Она была примерно твоего возраста, когда я потерял ее, – и, боюсь, ты весьма мне о ней напоминаешь.

Я осторожно попыталась подобрать слова, не причиняющие боли, но это оказалось невозможно.

– Что случилось, капитан?

Ракамор снова посмотрел на подметалу:

– Погоня в кильватер. Единственная, в которой я в итоге проиграл.

– Она умерла?

– Да. Да, умерла. В тебе я вижу что-то от Иллирии, и это заставляет меня тревожиться о твоём благополучии больше обычного.

– Я не хочу возвращаться на Мазариль, капитан. Еще нет. И я знаю, что Адрана думает то же самое. Вы не должны беспокоиться о Видине Квиндаре, что бы он ни говорил. Я точно знала, что делаю, когда согласилась присоединиться к вашей команде, и, когда пройдут шесть месяцев, смогу сама распоряжаться своей судьбой.

– Твой отец может с этим не согласиться.

– Он хороший человек, сэр. Но после того, как умерла мама, он принимает одно плохое решение за другим. Это просто последнее из них, и моя решимость остаться и заработать наши призовые деньги лишь выросла. Вы же не дадите сигнал другому кораблю, верно?

Металлическая шутовина в его руке поскрипывала, пока он сжимал ее и разжимал.

– Полагаю, мы могли бы проверить, как обстоят дела, после первого же шарльера. Зная Джастрабарска, можно предположить, что он пойдет следом и будет подбирать крошки, оставшиеся после нас. – Когда Ракамор принял решение, его лицо застыло. – Мы больше не будем обсуждать этот вопрос. Я передам Квиндару через трещальник, что вы остаетесь под моей опекой. Впрочем... хочешь, чтобы я переслал пару слов вашему отцу?

– Кажется, вы говорили, что никаких сообщений не будет, сэр.

– Я сделаю исключение, Фура.

Я поразмыслила об этом несколько секунд. Мне не хотелось вести себя грубо или бессердечно. Но если отец знает, что мы живы и здоровы, этого достаточно.

– Скажите ему, что ничего не изменилось.

Только на шестой день кости снова заговорили. На этот раз Адрана получила больше, чем фрагмент. Она слушала целый диалог – двое перешептывались друг с другом – и лепетала, воспроизводя его, так быстро, как только могла.

– ...приближаемся к Малграсену, нужен ярдаж. Повреждены фор- и крьюйс-сол-брам-сели, возможно, поддадутся ремонту... посоветуйте, как быть с затратами... – Она встряхнулась, словно отбрасывая остатки кошмара. – Ярдаж. Что это за ерунда такая?

– Соратники Хиртшала так называют такелаж, когда общаются между собой, – сказал Казарей. – А сол-брамсели – это разновидность парусов. Если только ты не слышала об этом с того момента, как поднялась на борт, то могла узнать лишь от черепа. – Он покачал головой, в равной степени удивляясь, восхищаясь и – как мне кажется – испытывая облегчение. – Я никогда в тебе не сомневался. Но мне было интересно, сколько времени это займет. Ты опережаешь меня на несколько недель!

– Давай я попробую на том же узле, – сказала я.

Ни в тот день, ни на следующий мне не удалось ничего услышать. Но на восьмой день нашего обучения, во время утреннего занятия, то холодное окно открылось и в моей голове. Я не поймала ни разговора, ни даже единственного слова, которое можно было бы пропеть Казарею. Но я почувствовала, как нечто забралось в мою голову: оно трепетало, ощущалось неправильным и неуместным, и подобного чувства я до того момента ни разу в жизни не испытывала.

Я рассказала Казарею. Он закрыл глаза с таким видом, словно его молитвы были услышаны.

– Нам еще многое предстоит сделать, но я не сомневаюсь, что капитан нашел новых чтецов костей. Вы обе измените судьбу этого корабля.

– А она нуждается в изменении? – спросила Адрана, вешая мосты обратно на стену.

– В последнее время она не так уж плоха, если честно. Однако ее всегда можно улучшить.

– Хотела кое-что спросить, – сказала я, поправляя волосы. – Я слышала, как капитан упоминал что-то про Клык, а потом он обмолвился о дочери, которую потерял из-за погони в кильватер. Одно как-то связано с другим?

Казарей выдержал паузу перед ответом. Казалось, мы вынуждаем его рассказывать о чем-то, противоречащем его характеру и здравому смыслу, о темном деле, про которое лучше не упоминать.

– Нет, – осторожно и тихо проговорил он. – Клык – это одна история, а погоня – другая. Клык – это шарльер. Там мы потеряли Гитлоу...

Я воткнула шпильку в волосы.

– Гитлоу?

Он сжал губы так, что они сморщились.

– Если хочешь знать правду, придется подождать, пока Прозор поделится ею. Ей досталось сильнее, чем остальным. – Он вздохнул. – А погоня в кильватер... Погоня случилась до того, как я поднялся на борт. Я никогда ее не видел.

– Дочь Ракамора? – спросила я.

– Босу Сеннен, – поправил он меня. – Ту, кто забрал ее у Рэка. – Он отвернулся от нас, чтобы проверить, как там череп. – И если тебе хватит мудрости, ты никогда не упомянешь это имя в присутствии Ракамора.

День за днем мы приспособливались к корабельным порядкам. Потихоньку переняли обязанности по подготовке у Казарея, и это помогло сблизиться с командой. Еще в чтении костей мы обе демонстрировали успехи. Адране все легче удавалось извлекать из черепа сообщения, а один или два раза ей даже повезло настроиться на сигнал, когда Казарей счел его слишком слабым. Я тоже продвигалась. На тринадцатый день мне удалось извлечь из черепа целых три слова, а на пятнадцатый – фразу. На таком, конечно, пистолей не заработаешь, и все-таки это доказывало, что способности у меня тоже есть. Удовлетворенный тем, что мы разобрались с основами, Казарей перешел к более сложным нюансам нашей работы, которые включали возможность не только получать сообщения, но и отправлять. Следуя указаниям наставника, мы передавали тестовые сообщения дружественным кораблям, а он потом проверял, дошли ли они без ошибок. Нам также пришлось научиться записывать сложные сообщения во время приема,

что оказалось труднее, чем мы предполагали: все равно что потирать одной рукой живот, а другой – похлопывать себя по голове.

Все это время речь шла лишь о передаче информации между кораблями, но никогда – между кораблями и мирами. Черепа, как выяснилось, имели особенности: они не слишком хорошо работали рядом с поглотителями или шумом и суетой человеческой жизни. Когда какому-нибудь миру требовалось отправить в другой мир секретное сообщение, оно должно было «прыгнуть» из первого мира на корабль, а с корабля – в другой мир; в начале и конце пути кому-то приходилось этим заниматься.

Я поняла, что можно всю жизнь работать с костями и не докопаться до сути всех их причуд. Но никто из нас не мог строить планы на всю жизнь.

Потихоньку пошли слухи, что мы не так уж и плохи. Чтобы поменьше выделяться, я отыскала очень острый нож – тот, что называли «такелажным ножом», потому что он мог рас-сечь любую оснастку, – и велела Адране отрезать половину длины моих волос. Я сама удивилась, взглянув на себя в зеркало после этого. В моем лице обнаружились углы, которых я раньше не замечала, – как будто что-то твердое пробивалось сквозь плоть. Моя внешность не стала хуже, но и не улучшилась. И мне это понравилось. Потом Адрана неохотно заставила меня проделать то же самое с ее волосами. Но я-то знала, что ей понравилось, как это изменило меня, и она хотела получить часть того же для себя. Мы также перестали настаивать на том, чтобы все время носить наши платья и ботиночки, и начали примерять некоторые из менее грязных предметов одежды, оставленных для общего пользования. Кроме того, должна признаться, мы перестали быть такими привередливыми по части мытья. Может, в силу перечисленного – или просто потому, что к нам постепенно привыкли, – команда теперь охотнее с нами откровенничала, делилась рассказами о своем труде и его сложностях, время от времени бросая неосторожные замечания о Ракамооре.

– Если сможем оторвать его от книг...

– Когда капитан закончит гладить свои рубашки, он, возможно...

– Даже его величество не задрал бы нос по этому поводу...

И тому подобное. В этом никогда не ощущалось особого неодобрения, и, наверное, Ракамоору от команды доставалось не больше, чем любому другому капитану. В том, как они про него говорили, всегда ощущались уважение и нежность. Они его любили, пусть даже он их иногда раздражал своими изысканными манерами, образованными речами и тем, как много времени проводил, уткнувшись носом в книги.

Нельзя сказать, чтобы они сами были необразованными людьми. Мы уже знали, что Казарей родом из хорошей семьи. Мэттис, открыватель, ремеслу обучился по книгам, а не от какого-нибудь наставника. Он показал мне тетради: страницы были исписаны безумными каракулями и содержали факты и знания, относящиеся ко всем дверям, замкам и защита от взлома, с какими можно столкнуться внутри шарльера.

– Большинство записей сделаны не моим почерком, – признался Мэттис, пока я листала эти сакральные страницы. – Когда я был молод – а я был молод, пусть в это и трудно поверить, – один старый открыватель по имени Лаутаро доверил мне эти дневники. В них вся мудрость, которую он накопил за целую жизнь, посвященную открыванию шарльеров, и они уже были старыми, когда он только начинал. Видишь, почерк меняется дважды? Он получил их в наследство от еще более старого открывателя. То есть им лет сто – сто пятьдесят. Если я один из лучших в своем деле – а я бы не стал разбивать лампы любому, кто делает подобное заявление, – то это только из-за тех, кто был до меня.

– А вам не боязно проникать в эти штуки? – спросила я.

– Боязно? – Улыбка рассекла его бороду. – Это то, ради чего я живу, девочка. Все остальное – вся эта ерунда с полетами от одного шарльера к другому – вот с чем приходится мириться!

– Капитан Ракамор говорит, что мы с Адраной никогда не попадем в шарльер.

– Его императорское умнейшество знает, с какой стороны хлеб намазан маслом. Не считая парусов – и, возможно, самого черепа, – вы обе, наверное, самое ценное на этом корабле. – Он коснулся пальцем своего короткого носа. Каждая часть Мэттиса выглядела округлой и стертой, как очень старая скала, которая повидала на своем веку бесчисленное множество штормов. – Вам ничего не грозит. Вы честно заработаете свои пистолы, и если кто-нибудь вас в этом упрекнет – скажите, что Мэттис просит его на пару слов.

Тут мой палец остановился на одной из страниц мэттисовского дневника. Там был нарисован круглый предмет, внутрь которого от самой поверхности уходил длинный узкий разрез. Схема пестрела примечаниями и деталями. Они были записаны рукой Мэттиса.

И озаглавлены: «Клык».

– То самое место, – тихо проговорила я. – Там что-то пошло не так, да?

– Ага, – ответил Мэттис так же негромко. – Вернее не скажешь.

Глава 5

К тому времени как мы спустили паруса, фотонные ветра вынесли нас за пределы Собрания на двадцать миллионов лиг. Наверное, шарльер должен был всецело завладеть моим вниманием, но вышло не так. Шарльеры, как правило, выглядят непритязательно; что способно породить испарину на лбу – так это их содержимое. Однако я никогда не видела Собрание снаружи, и на подобное зрелище точно стоило поглазеть. Одно дело – знать, что мы далеко от дома; совсем другое – убедиться в этом воочию.

Если бы я попыталась рассказать об увиденном приятными и красивыми словами – и чтобы все они были правильными, подобающими леди, как учил Паладин, – я бы сказала, что Собрание выглядело туманным кругом мерцающего, искрящегося света, в центре которого расположилось Старое Солнце, замаскированное и завуалированное всеми мирами, что оказались между ним и «Монеттой», так что его усталый свет фильтровался, рассекая небесные оболочки сферических миров, стеклянные окна трубчатых миров, поля самих шарльеров, вызывающие смещение фотонов, – и оттого он переходил то из красной части спектра в синюю, то из синей в красную. И еще я бы сказала, что совокупный эффект всех кружащихся между нами и светилom миров создавал постоянно блистающую гранулярность, бесконечный танец бликов: рубиново-красные становились белыми, белые – цвета индиго, а тот – почти невероятным глубоким оттенком пурпурно-синего.

Но я бы на этом не остановилась, потому что и тогда не смогла бы заставить вас узреть все таким, каким оно было. Так что я бы продолжила и упомянула, как свет пронзал нас, удалялся, снова пронзал – в те моменты, когда какой-нибудь мир хитростью улавливал свет Старого Солнца и посылал под правильным углом нам в глаза, как копье, прежде чем орбита или угол искажали его на свой лад. Нельзя было указать на какой-нибудь проблеск и узнать, что это за мир, но в мыслях, понимая, что вы делаете, вы бы считали, что у каждого из них выдался свой момент блеска. Даже у вашего собственного мирка.

Люди сотворили из Собрания нечто прекрасное. Мы не имели отношения к его возникновению. Это не мы устроили Раскол, не мы собрали все разрозненные части вновь. Это сделали люди, да, – но не мы. Но мы были теми, кто опять заселил миры, отыскал места, в которых можно жить, и все это осуществилось в подобии мира и гармонии, продлившихся более восемнадцати веков.

И тем не менее, как бы сильно я ни была тронута этим, как бы ни пронзила меня яркая, мучительная тоска по дому, я не могла отделаться от слов, которые сказал капитан Рэк в библиотеке.

Все Заселения в конечном итоге оказывались временными, и наше в этом смысле ничем не выделялось.

– Погибель Брабазула, – сказал он. – И нет, это место не станет нашей погибелю, если я буду как-то контролировать происходящее. Кое-кто из вас про него слышал: команда Лофтлинга неплохо здесь поработала еще в тысяча семьсот пятьдесят четвертом году. Но они опаздывали с возвращением в порт, и у них не было времени зайти поглубже, прежде чем настало время отступать. Вспери побывал здесь снова в восемьдесят первом году, но шарльер не открылся. С той поры он придерживался довольно предсказуемого цикла, однако за восемнадцать лет никто не предпринял новой экспедиции. Прозор – можешь не обращать внимания на ауспиции в твоей книге. Казарей вытащил обновленные цифры из черепа прямо перед тем, как мы достигли Мазария.

– Очень мило с его стороны об этом рассказать, – проворчала она.

– Ты имела в виду, очень мило, что он сберег коммерческую тайну, чтобы мы сумели поделить пистолы между собой, когда она окупится? – Ракамор не стал ждать ответа. – Если ауспиции верны, по моим подсчетам, шарльер откроется через два дня с небольшим, чуть больше чем через пятьдесят часов.

Это было начало вечерней вахты. Названный им срок истекал сразу после полуночи.

В иллюминаторе, расположенном напротив того, что выходил на Собрание, виднелся шарльер, занимающий такую же часть неба, как и все миры, но разница заключалась в том, что он находился от нас в нескольких лигах. Это была сфера примерно такой же величины, как Мазариль, и она светилась угрюмым красным светом. На этом сиянии неустанно перемещались вдавленные узоры – сложные геометрические фигуры, похожие на резьбу или вышивку. Они чередовались, мерцая, и время от времени можно было рассмотреть нечто, скрывающееся под ними.

– А мы знаем, что там внутри? – спросила я, стараясь говорить как член команды.

– Описание Лофтлинга – лучшее, что у нас есть, – сказал Мэттис. – Это скалистый мир, и у него есть поглотитель, вот почему мы на орбите. Гравитация, видишь ли, проходит через поле, даже если ничто другое не может. Когда оно для нас откроется, мы увидим двери на поверхности. У нас есть карты Лофтлинга, и они довольно подробные. Двери, а также защита от взлома восходят к концу Пятого Заселения, и у нас достаточно опыта с разными штуковинами той эпохи, чтобы не нарваться на то, с чем мы не справимся.

– Содружество Ледяного Трона, – сказала Жюскерель. – Жестокая диктатура, судя по всему. Говорят, отголоски криков их жертв слышались еще сто тысяч лет. – Она потеряла ладони. – Но они оставили после себя славную добычу.

Про следующие пятьдесят часов я мало что могу рассказать. Мы с Адраной несли вахты, как обычно, проводили время в комнате костей, готовили еду для команды. Спали, когда получалось. Однажды в поздний час, когда крики Гарваль, казалось, рассекали корабль, словно жестокий холодный ветер, я выпуталась из гамака и пошла к ней. Дверь в комнату была не заперта, как и в прошлый раз. Видимо, Ракамор считал команду терпеливой, или ему просто не приходило в голову, что кто-то может задушить Гарваль за то, что она не дает ему спокойно спать.

Я не собиралась ее душить, но не стану притворяться, что мои мысли были исключительно благородными. Наверное, я хотела как-то пробудить ее от кошмаров, чтобы она не вопила, как ребенок в истерике.

Но стоило оказаться рядом с несчастной, как мой гнев утих.

– Ох, Гарваль... – проговорила я так тихо, словно собралась нашептать ей колыбельную. – Ты не можешь с этим справиться, верно?

Она билась в конвульсиях, насколько это позволяли путы. Ее голова моталась из стороны в сторону, ремень ослаб. Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони, а сухожилия выпирали словно гребни. Из ее глотки лились потоком мучительные стоны.

Я отыскала тряпку, которой Казарей вытирал ей лоб, и подошла к раковине на стене. Потом вернулась, встала рядом и попыталась разжать пальцы Гарваль в достаточной степени, чтобы просунуть свою руку в ее ладонь.

– Ты спрашивала, не мы ли новенькие. Я Фура, а мою сестру зовут Адрана. Ты была права насчет нас: мы поднялись на борт, чтобы заниматься тем же, что делала ты, – читать череп. Знаю, для тебя это закончилось плохо, но ты не виновата. Ты искала способ покинуть свой мир и нашла. У нас с Адраной вышло так же.

Я провела влажной тряпкой по ее лбу и губам, а она в это время продолжала дергаться столь же сильно, как и когда я вошла в комнату.

– Ну, может, и не так же, – продолжила я. – Нам не досталось так сильно, как тебе. Просто в семье дела шли не очень хорошо. Мне кажется, Адрана просто хотела приключений, а воз-

возможность заработать пистолы стала оправданием, способом обосновать ее решение. В каком-то смысле она меня обманула, но к тому времени, когда я поняла, что устроила моя сестра, идея сбежать понравилась мне не меньше, чем ей.

Не знаю, что стало причиной: мои слова, мое присутствие или просто в голове Гарваль переменялась погода, – но она слегка успокоилась. Я снова пустила в ход тряпку. Нечего было бояться разбудить остальных своими разговорами: если уж они могли спать под крики Гарваль, то проспали бы и Раскол.

– Вельген, – произнесла она.

Одно слово, и все.

– Кто-то из твоих близких? – спросила я, решив, что это имя человека, а не название мира.

– Брат, – ответила она хриплым от стонов голосом. – Братик. Мой хороший Вельген. Я должна была лучше о нем заботиться. Надо присматривать друг за другом, верно?

– Верно, – ответила я.

Но на такой вопрос всегда отвечаешь одинаково, что бы ты ни думал на самом деле.

– Где мы?

– На орбите вокруг шарльера. Поле скоро откроется, и они пойдут внутрь. Не думаю, что это опасное место. У них есть карты, и команда вроде бы знает, что делает. Ракамор выглядит уверенным...

Она прервала мои слова с тонкой, понимающей улыбкой на губах:

– Не стоит всегда верить словам капитана.

– Мне кажется, он желает лучшего для нас.

– Для себя. А если с остальными все будет в порядке – это бонус.

Дверь была все еще закрыта. Это был только разговор, но внезапно он стал мятежным, и у меня по коже побежали мурашки.

– Я не думаю, что он плохой человек.

– Я такого не говорила. Но каким бы ни был Ракамор, он капитан, а капитанами движет совсем не то, что всеми нами.

– Что же им движет?

Она с трудом перевела дух:

– Тебе рассказали про его дочь?

Я поднесла влажную тряпку к ее лицу:

– Немного.

– Ну и ладно. Учитывая все обстоятельства, наверное, так даже лучше.

Постепенно выяснилось, кто отправляется к шарльеру, а кто – нет. За несколько часов до того, как поле должно было отключиться, все собрались на камбузе: кто в скафандре, кто без, разложив шлемы на магнитных столах как трофеи. Казарей – он до последней минуты пробыл с нами в комнате костей – оказался наименее подготовленным, и Прозор с Триглавом помогали ему облачиться в скафандр, в то время как Хиртшал помогал остальным проверить, надежны ли их костюмы и не просачивается ли где-нибудь дышать.

Я уже успела как следует ознакомиться со скафандрами, и нам показали, как ими пользоваться в экстренных случаях. Каждая их часть была коричневой, и даже металлические детали не выбивались из палитры: коричневая ткань, коричневые уплотнители из какого-то сплава, коричневые суставы-гармошки, коричневый шлем с маленьким лицевым щитком из коричневого стекла, прикрытого коричневой решеткой. Лишь несколько цветных пятен на шлемах и плечах позволяли отличить один костюм от другого.

– Они старые, – сказал Ракамор. – И в них за тысячу лет почти ничего не поменялось. Но старая вещь – не всегда плохая. С одной стороны, это то, что мы можем себе позволить, а с другой – на них можно положиться, их нетрудно ремонтировать.

Он постучал костяшками пальцев по белой макушке своего шлема:

– Коротковолновый трещальник. Вот и все, на что можно рассчитывать. Нет ни встроенных сенсоров, ни навигационных проекций. Никакого усиления мощности для остальной части скафандра. Когда оно есть, к нему быстро привыкаешь и теряешь силу, необходимую, чтобы выбраться из затруднительной ситуации, в которой костюм на тебе превращается в тряпку. Никакого энергетического оружия или режущего оборудования. Внутри шарльера все электрические штуковины работают нестабильно, поэтому на них лучше не рассчитывать. Газовые горелки действуют почти всегда. Без электрических насосов и питающих клапанов для системы жизнеобеспечения обойтись трудно, но если они заедают – а это рано или поздно случается, – давления хватает на несколько часов. На обогреватель тоже нельзя положиться. – Он выдавил улыбку. – Мы неспроста стараемся побыстрее войти и выйти. Это спасает от обморожения.

Трисиль стигала и разгибала пальцы, пытаясь заставить жесткие сочленения перчатки лучше слушаться. Ткань скрипела, словно ее нужно было смазать маслом. Я вспомнила, как Ракамор тренировал пальцы, и поняла почему.

– Шарльер ведет себя согласно графику, – тем временем говорил капитан. – Поле должно отключиться через... Проз?

– Девяносто семь минут, – сказала она.

Я и сама видела, как шарльер постепенно менялся. Трудно было не увлечься этими переменами, проходя мимо какого-нибудь иллюминатора, выходящего в нужную сторону. Танец узоров на темно-красной поверхности ускорился, спеша к завершению. Поверхность мира все сильнее проступала сквозь поле. Под энергетической оболочкой скрывался каменный шар, не так уж сильно отличающийся от Мазария.

Когда все были готовы, наступило время для быстрого тоста за успех вылазки, рукопожатий и похлопываний по спине, а затем экспедиция собрала свои шлемы и направилась к носу корабля. Остальные потащились следом. Ракамор, Казарей и Мэттис вошли внутрь катера, и шлюз закрылся. Трисиль и Жюскерель надели шлемы, дважды проверили герметичность и запас дыхания, прошли через другой шлюз в док, где располагался катер, и принялись отцеплять его от люльки.

«Рот» корабля открылся. Трисиль и Жюскерель налегли на рычаги, выталкивая катер из дока. Он медленно пришел в движение, хвостом вперед, и Ракамор его направлял, включая и выключая двигатели. Как только катер покинул «Монетту», Трисиль и Жюскерель воспользовались собственными газовыми пушками, чтобы добраться до него и подняться на борт. Все происходило в тишине, будто некий сложный балет репетировали без оркестра.

Они улетели. Мы наблюдали, как катер отходит от «Монетты», оставаясь под нами, пока корабль вращался по орбите, прокладывая спиральный курс, как часовая пружина. Катер выглядел серебряной пулей, потом серебряным дефисом, а в конце концов – просто яркой отметиной на поверхности шарльера.

– Пятьдесят минут, – сказала Прозор.

– А что случится, если они достигнут поверхности шарльера до того, как она откроется? – спросила я Триглава, одного из нас пятерых (кроме Гарваль), кто остался на корабле.

– С точки зрения шарльера? – Коротышка потер безволосую голову, словно она нуждалась в полировке. – Ничего особенного. Возможно, Прозор придется немного выправить расчеты, но для ауспий такое не будет иметь ни малейшего значения.

– А с их точки зрения?

– Говорят, это не больно.

– Ты не переживаешь, что Трисиль отправилась с ними? – спросила Адрана.

К тому времени мы уже поняли, что эти двое вместе: они были единственной парой на корабле, о которой мы знали.

– О, я бы предпочел не выпускать ее из виду. Но правда в том, что я разбираюсь в ионных системах и больше в этой костяной коробочке ничего не помещается. В шарльере я бы просто путался под ногами. Нет, пускай Трисиль занимается своим делом, а моя работа – доставить ее домой в целости и сохранности в конце экспедиции. Мне этого достаточно. А вы в курсе, что тут происходит?

– В общих чертах, – сказала я.

Триглав почесал одно оттопыренное ухо и сказал:

– Когда Мэтгис открывает дверь, Трисиль может войти в комнату, полную трофеев возрастом в миллион лет, бросить на них один взгляд и тут же решить, стоит ли с ними возиться. Трисиль говорит: время накапливается в старых вещах, словно пар в чайнике, и ему нужно выйти. Старые вещи – по-настоящему старые! – трещат по швам от времени, которое их переполняет. И знания Трисиль берут свое начало не в книгах или музеях. Заговорите с ней об Одиннадцатом Заселении – она ответит непонимающим взглядом. Спросите ее про Совет Облаков или Империю Вечно Набегающих Волн – и тут она схватит вас за руку и расскажет тысячу баек, которых вы никогда не найдете в Зале Истории.

– Что самое ценное вам случалось найти в шарльере? – спросила я.

– Найти или вынести оттуда? – уточнил Триглав.

– А есть разница? – встряла Адрана.

– Расскажи ей про двигатель, – сказала Прозор с таким видом, словно разговор был путаницей проводов и один ненужный она только что перерезала.

– Он был размером с бак для воды – этакая позеленевшая бронзовая штукovina со всякими трубками на поверхности, – сказал Триглав. – Игрушку явно не обезьяны делали. Может, клыкачи или жукоглазы. Мы даже не пытались ее запустить.

– А кто-то попытался? – спросила я.

– Да, на одном сферическом мире под названием Проспираль, где-то в средних процессах. За свои старания они получили дыру, просверленную до самого центра своего каменного шарика. – Триглав скорчил гримасу, напоминающую печальную улыбку. Он был похож на клоуна, который пытается изобразить эмоцию, противоположную той, что нарисована на его лице. – Урок заключается в том, что играть с находками – не наше дело. Мы их нашли, нам за это заплатили... Лично мне этого достаточно.

– Я-то думала, в тебе больше любопытства, – заметила Адрана.

– Любопытничать пусть будут разумники, которые сами не понимают, когда им достался хороший трофей, – возразил Триглав, почесывая под челюстью. – Я доволен своей судьбой. Есть участи гораздо хуже, чем быть лысым коротышкой-инженером на солнечном паруснике, пусть даже этот парусник никого из нас не сделает богачом.

– Ну и славно, – проворчала Прозор. – Потому что ты здесь застрял насовсем.

Мы все еще говорили о шарльерах и штукovinaх, которые можно найти внутри, когда в комнату вошел Хиртшал. У парусного мастера была привычка обрывать любой разговор без единого слова. Он дернул заросшим подбородком в сторону иллюминатора, даже не потрудившись задать вопрос.

– Пять минут, – сказала Прозор. – Хочешь место в первом ряду, Хиртшал?

Он стоял, скрестив руки на груди, с таким холодным и суровым видом, словно ничто в мире не могло заинтересовать его в меньшей степени.

– Нет.

Катер был уже совсем близко от поверхности шарльера, но с помощью телескопов и биноклей мы все еще могли за ним следить и видели, как серебряная крупинка скользит над мерцающей рубиново-красной поверхностью. За последние несколько часов Прозор раз или

два заглянула в свои книги, но ничто не дало ей повода изменить расчеты. Шарльер теперь менялся так быстро, что у меня кружилась голова, когда я смотрела на него.

– Рэк должен держать руку на пульте управления ракетными двигателями, – тихо прошептал Триглав. – Если шарльер не откроется, когда надо, он резко развернется – по катеру вдавят пять джи – и прощайте, заклепки.

– Надеюсь, у него хватит горячего, – сказала я.

– Более чем. Помни, он рассчитывает, что обратно повезет не только экипаж.

Я ожидала чего-то впечатляющего в момент открытия шарльера, но, по правде говоря, испытала легкое разочарование. Отрезки времени, на протяжении которых расположенный под нами мир делался все более отчетливым, становились длиннее, и... Внезапно он остался таким насовсем, а рубиново-красное поле исчезло.

Мир был в точности таким же, как Мазариль, – точнее, еще менее интересным. Его каменный лик покрывали кратеры, хребты и расселины, и взгляд не мог зацепиться даже за небесные оболочки, укрывающие города.

– Заводи часы, – сказал Триглав.

– Уже, – отозвалась Прозор. – Двести пятьдесят восемь часов. Отсчет пошел.

Катер продолжал спуск; миновал границу искусственной поверхности и двинулся дальше, к настоящей. Он выглядел всего лишь серебряной точкой, но вспыхивал ярче, когда Ракамор маневрировал. Поглотитель создавал на поверхности Погибели Брабазула такую же силу тяжести, как на Мазариле, так что катеру для посадки требовались ракетные двигатели.

– Видишь вон ту линию кратеров? – спросил Триглав. – Они есть на картах Лофтлинга. У обода самого правого кратера есть место, через которое можно проникнуть внутрь. Капитан постарается сесть как можно ближе: нет смысла топать дальше, чем это совершенно необходимо.

Шарльер открылся по расписанию, так что мы могли рассчитывать, что закроется он также вовремя. У отряда Ракамора было двести пятьдесят восемь часов до того момента, как им надлежало вернуться в космос и подняться выше уровня, где формировалось поле шарльера. Больше десяти дней, а Лофтлингу понадобился всего один, чтобы обойти весь шарльер.

– Они внизу, – сказала Прозор.

Лишь через минуту или две Ракамор протрещал, подтверждая, что все в порядке и отряд начал покидать катер.

– Следите за подметалой, – сказал он. – А если сестры не в комнате костей, то пусть идут туда.

Мы дождались, пока группа выйдет на поверхность, хотя даже с помощью телескопов ничего не могли разглядеть. Через несколько минут Ракамор сообщил, что они нашли вход, описанный Лофтлингом, и Мэттис уже открывает замок, следуя инструкциям.

У двери в комнату костей, прежде чем повернуть колесо, мы испытали общее на двоих колебание, молча обменялись взглядами, понимая, что надо отбросить сомнения и выдержать эту проверку. В горле у меня пересохло, а руки стали липкими от пота.

Я крутанула колесо, и мы вошли.

Без Казарея, занимавшего часть пространства в комнате, череп казался больше. Я обогнула его, как будто увидев впервые, пробираясь через переплетение туго натянутых тросов, на которых он висел, снова задаваясь вопросом, какому же существу давным-давно принадлежали эти кости.

– Я начну с одного конца, – сказала Адрана, снимая со стены два нейронных моста. – Ты – с другого. Если встретимся посередине и ничего не получим, будем знать, что передач нет.

Я вытащила шпильки, чтобы получше пригладить волосы, и надела нейронный мост – направила, чтобы сидел как можно плотнее. Подключилась, закрыла глаза и очистила разум. На крайней точке входа была тишина. Я выждала достаточно времени, чтобы в этом убедиться,

а потом перешла к следующей. Череп закачался на пружинах. Адрана переместилась к новой точке одновременно со мной, потревожив череп не больше, чем это было необходимо.

На втором узле каждая из нас ничего не услышала.

Мы открыли глаза, встретились взглядами, кивнули и продолжили.

– Тут что-то... – прошептала я, ощутив покалывание на третьем узле.

– Что?

– Тише.

Надо было держать рот на замке – Казарей бы меня за такое отчитал, – но покалывание никуда не делось. Кто-то посылал сигнал или пытался это сделать. Однако он был очень слабым.

– Перехожу к следующей точке входа. Может, там будет лучше слышно.

– Ладно... – с сомнением сказала Адрана.

Я отключилась, воткнула провод в другой вход. Контакт оказался более четким. Я слегка вздрогнула.

– Лучше?

– Да.

– Ну так скажи, что ты получаешь.

– Пока не поняла, – проговорила я, стараясь удерживать разум пустым. – Дай разобраться.

– Оно близко или далеко?

– Не могу сказать. Хватит болтать... дай сосредоточиться.

Я перешла к следующему узлу, но там была тишина. Я вернулась к предыдущему. Сигнал все еще ощущался, но я преисполнилась уверенности, что он ослабел.

– Ну и что? – спросила моя сестра.

– Не знаю. Он недостаточно сильный.

– Дай я попробую.

– Потому что ты всегда оказываешься лучше меня?

– В этом случае – да.

Гордость почти взяла надо мной верх, и я не стыжусь это признавать. Но мне удалось взять себя в руки, и я позволила Адране подсоединиться к узлу. Сама отошла в сторону от черепа и сняла нейронный мост.

– Ну давай, покажи, как это делается.

Адрана проигнорировала издевку и подключилась. Ее лицо стало безмятежным и кукольным, словно она занималась этим делом с младенчества. Целую минуту она никак не реагировала, но потом ее веко дернулось, и на лбу появилась едва заметная морщинка.

Она отключилась и вернулась к узлу, где я впервые обнаружила присутствие. Затем перешла к предыдущему. Прикусила нижнюю губу.

– Ну и что? – спросила я.

– Мне показалось, что там что-то есть. На первой точке входа, только на мгновение. А потом все исчезло.

– Значит, мне не померещилось.

– Иногда на этих входах есть шум. Статические заряды накапливаются в черепе. И ты это знаешь.

– Это были не помехи.

– Ладно, – сказала она, сдергивая с головы нейронный мост. – Так что ты предлагаешь нам делать с этим призрачным сигналом? Сообщить Триглаву, Прозору или Хиртшалу – дескать, пусть передадут отряду, что мы, возможно, поймали передачу из неопределенной точки Собрания?

– Нет, конечно нет!

– А что тогда?

– Я лишь хочу сказать, там что-то было. Оно ощущалось... неправильным. Я не знаю, откуда и куда послали этот сигнал. Вот и все.

Адрана взяла мой нейронный мост и повесила его на стену вместе со своим.

– Мы нервничаем, – сказала она примирительным тоном. – Это наш первый самостоятельный сеанс.

Я зажала одну шпильку в зубах, пытаюсь воткнуть другую в волосы, и с трудом выговорила:

– Мне не померещилось.

– Мэттис открыл дверь, – сказал Триглав, почесывая за ухом. – Ничего удивительного – Мэттис почти так хорош, каким себя считает, а Лофтлинг не поскупился на инструкции. До сих пор мы поддерживали связь, но теперь они углубляются в мир, и мы мало что будем от них получать.

– А это разве не рискованно? – спросила я.

– Так решил капитан, – сказала Прозор. – Установка повторителей, протягивание проводов через все двери – на это требуется время. Если все пойдет хорошо, они достигнут трофеев через шесть-восемь часов. Достаточно времени, чтобы разобраться, отделить добычу от ерунды, доставить часть на катер, связаться с нами – и, возможно, подумать о том, чтобы опять уйти вглубь.

– Где-то восемнадцать часов туда и обратно, – подытожил Триглав. – Но им все равно нужно отдохнуть и поспать. Если поднажмут, на один заход уйдут сутки. А времени на десять заходов, прежде чем шарльер нам подмигнет, но Рэк не станет так рисковать.

– Они и так не спали больше суток, – напомнила я.

Триглав энергично закивал:

– Но ничто не заставит тебя двигаться быстрее, чем комната, полная добычи. Поверь мне, они не все разделяют его осторожность. – Он отхлебнул из своей кружки – она всегда была рядом – с видом утопающего во множестве печалей, потом договорил: – Но осторожность – вот что оберегало их от гибели до сих пор. Не так ли, Хиртшал?

Парусный мастер оторвал взгляд от мозаики тросов с узлами. Несколько мгновений он размышлял над вопросом.

– Да.

– Услышьте же: наш говорливый Хиртшал громко выразил свою поддержку.

– Какой-то перебор с осторожностью, – пробормотала Прозор. – Мы несколько недель сюда тащились – почему бы не использовать все время, которое у нас есть?

– Ты знаешь почему, – ответил Триглав. – Иногда лучше не перебарщивать. Ты, как никто другой, должна это понимать.

Хиртшал положил руку Триглаву на запястье:

– Хватит.

Но Триглав вывернулся из хватки парусного мастера и потянулся к хлебу и пиву.

– А почему бы и нет? Мы все знаем, что случилось. Если сестры Несс собираются стать частью этой команды, они рано или поздно тоже узнают. Почему не сейчас?

– Ты говоришь про Клык? – спросила я.

– Мэттис не всегда был нашим открывателем, – сказал Триглав. – Им была Прозор. Хотите узнать нашу темную тайну? Проз была лучшей из всех. До того момента, пока капитан Ракамор не переборщил, а старый чтец шарльеров оказался не таким надежным, как Проз сейчас...

– Заткнись, – рявкнула Прозор.

Триглав сделал еще глоток:

– У них есть право узнать, что может случиться.

– Не сейчас, – сказал Хиртшал.

– Подходящий момент никогда не наступит, верно? Но ведь это часть того, что мы есть, и Проз ни в чем не виновата. В отличие от чтеца шарльеров, который был с нами в тот раз. – Триглав провел рукой по голове, словно убеждаясь, что она все еще безволосая. – И не переживайте – я не оскорблю этот корабль, упомянув его имя. Хватит и того факта, что его оценка оказалась ошибочна, ауспиции – нелепы. Ну, расскажи им, Проз.

Она уставилась на него, нахмурившись – точнее, скорчив еще более хмурую гримасу, чем обычно, – но я вдруг поняла, что теперь, когда историю наполовину выволокли на свет, Прозор и впрямь захотелось довершить рассказ. Все равно что вскрыть нарыв как положено, раз уж взялась за дело.

– Ты права, – сказала она, кивнув мне. – Речь и впрямь про Клык. Просто шарльер с таким названием. Он все еще где-то там, крутится на орбите, которую мне не хочется вспоминать. Местечко, как нам показалось сперва, весьма заурядное. Не было в нем ничего жуткого. Камень цвета кости, гладкий, без кратеров. Его вскрывали несколько раз, кое-что награбили, но никто никогда не заходил по-настоящему глубоко.

– Пока не прибыли мы, – подхватил Триглав и передал Прозор пиво.

– Рэк хотел поглядеть, что там внутри. Значит, мы должны были спуститься глубже, чем кто-либо до нас. Мы сделали четыре захода, все дальше и дальше. На четвертом... ну, кое-что нашли. Более чем в лиге с четвертью от поверхности. Комнаты. Множество комнат. И такой добычи никто из нас раньше не видел. Я про такие штуки ни до того, ни потом даже не слышала.

– Например? – спросила я.

– Неприятные штуки. Золотые ящики. Вроде как для сокровищ, только с гравировкой в виде черепов и костей или трупов, с которых облезло мясо. Припавшие к земле львы, у каждого чухло наполовину сгнило. Сплошные оскалы и глазницы. Там были и обезьяньи лица. Мы все прям затряслись. Что-то в этих ящиках словно говорило: «Держитесь подальше». И чем ближе мы подходили, тем хуже становилось. Но Рэк в тот раз шел под всеми парусами. Он хотел узнать, что в них. Поэтому взял и открыл один. Весь дрожал, просто стоя рядом, но надо отдать ему должное – сумел открыть. Там не было замка или чего-то в этом духе, просто крышка на петлях. И внутри...

– Что?

– Призрачники, – сказала Прозор. – Там было больше их барахла, чем ты, я или кто-нибудь другой видели в одном месте. И ящик был не один. Их там было несколько десятков. Мы открыли пару штук, когда собрались с силами. Это было нелегко.

– Призрачники?.. – переспросила я.

– Это древняя раса. Может, времен Первого или Второго Заселения, а то и раньше. Они были людьми... ну, наверное. Но не такими, как мы. Они делали такое, чего мы не можем, о чем даже помыслить не смеем. Они делали неправильные вещи. Такие, которые противоречили общим законам природы. Мало что оставили после себя, кроме репутации, от которой бросает в дрожь. Некоторые разумники говорят, что шарльеры для того и нужны, чтобы всякие там штучки-дрючки, оставшиеся после призрачников, не вернулись в мир, но шарльеры не очень-то с этим справляются. Ты когда-нибудь видела вещь, созданную призрачниками, Фура?

– Кажется, нет.

– Вот что странно: их на самом деле увидеть нельзя. Призрачники творили странные штуки. Когда смотришь прямо на них – видишь пустоту. Заметить можно лишь краем глаза, мельком, не пытаясь ничего высматривать.

– А на борту есть штукорины призрачников?

– Жюскерель к ним бы не прикоснулась, даже если бы они были. Это мощные штуки. Иногда полезные. Оружие и броня, о которых мы сейчас даже не мечтаем. Некоторые рискнули бы. Но доверять этим штукам нельзя.

– И все же вы кое-что привезли с собой.

– Нет. Не было времени. Рэк думал, оно есть, но ауспиции оказались неправильные. Мы были все еще внизу, в хранилищах, когда поле снова начало сгущаться. Барахло призрачников нас испугало, но этот испуг был ерундой по сравнению с мыслью о том, что мы окажемся заперты в шарльере.

– Но времени хватило, – настаивала я. – Чтобы выйти. Даже если вы не успели прихватить добычу, все равно спаслись.

Прозор встретила со мной взглядом:

– Большинство из нас.

– Поверхность может восстановиться в мгновение ока – сомкнуться, как веки на глазу, – встрял Триглав. – Когда такое случается, шансов выбраться нет. Но бывает и медленнее. В нашем случае у них был примерно час, чтобы убраться с того мира. – Он посмотрел на Хиртшала. – Хочешь что-то добавить, о мой болтливый друг? Не стесняйся.

– Нет, – ответил парусный мастер.

Прозор отхлебнула еще пива:

– Клык всегда был очень сложным шарльером. Наполовину поэтому Рэк туда так и не вернулся, хотя он единственный капитан, который знает, что там на самом деле и чего это может стоить.

– Расскажи им про вторую половину, – сказал Триглав.

– Я взяла с него обещание, что мы никогда не вернемся. Он хочет, я знаю. У него там незаконченные дела. Но он может оставить их незаконченными, пока я в команде. Я не стану высчитывать закономерности для этого поля после всего, что с нами приключилось.

– Да что же такое плохое там произошло? – взмолилась я.

– Да все. Там не было лестницы, как здесь, только шахта. Может, когда-то лестница и была, да вся истерлась, и остались только стены шахты. Прямой и глубокой, до самого поглотителя. Капитан соорудил лебедку, прицепил к верхней части. А лебедка, скажу я вам, – штука хорошая, но ее не всегда можно использовать. Перво-наперво, она тяжелая, и если – как на этом мирке – надо сперва преодолеть множество дверей, прежде чем доберешься до шахты, то лебедка еще и слишком большая, чтобы нести ее с собой. На Клыке было проще, шахта там выходит прямо в космос, и все, что нам нужно было сделать, – это прикрепить механизм ее к верхней части как можно надежнее. Лебедка опускала и поднимала ведро, чтобы мы сами могли проникнуть внутрь и вынести добычу. Но в ведре хватало места для одного человека зараз. Когда пришло известие, что шарльер закрывается раньше срока... – Прозор тряхнула головой с таким видом, словно весь ужас пережитого к ней вернулся.

– И остаток, – подбодрил ее Триглав.

– Шестеро из нас должны были подняться из шахты. Кэп настоял, что пойдет последним. Я отправилась первой – таков был приказ Рэка. Он должен был спасти открывателя. Я была его сокровищем. – Она помолчала, с трудом сглотнула. – Но случилась ссора. Гитлоу настаивал, что будет следующим.

– Скажи им, кем был Гитлоу.

– Моим мужем, – проговорила Прозор.

– Гитлоу был оценщиком, – сказал Триглав. – К тому же чертовски хорошим. Даже Три-силь согласится, а получить похвалу от Трисиль – все равно что попытаться согреть пальцы ног звездным светом.

Хиртшал отвлекся от своей головоломки:

– Гитлоу. Хороший малый.

– Гитлоу был уже в ведре, готовый подниматься по шахте, как вдруг Шевериль испугалась.

Это было еще одно новое для нас имя.

– Кто это была? – спросила Адрана.

– Открывательница в учениках у Мэттиса, – сказал Триглав. – У Рэка в то время была команда побольше, и некоторые из нас готовили учеников. Шевериль была неопытной... как дошло до дела, то и выяснилось, что нос не дорос у нее до таких вещей. Страх проник ей в самое сердце и сделал с ней ужасные вещи. Черт, мы все перетрусили. Невелика тайна. В глубине души каждый знает, что он ссыкло. Но один засранец от другого отличается тем, как он себя ведет, невзирая на это знание. – Он провел рукой по губам. – Шевериль попыталась прыгнуть в то же ведро, где уже сидел Гитлоу. Оно накренилось, оба упали. Такое падение ничем хорошим не заканчивается. Лишь в одном нам повезло.

– В чем именно? – спросила я.

– В той шахте не было дышали. Они упали быстро.

– Что-то я не пойму, при чем тут везение, – заметила Адрана.

– Потому что как только они вышли за пределы досягаемости трещальника, – проговорила Прозор, – я перестала слышать, как мой муж кричит, продолжая падать.

Отряд пробыл в шарльере восемнадцать часов, прежде чем мы получили от них весточку. Они устали, но были очень довольны находками.

– Скажите Хиртшалу, что он может испортить еще один комплект парусов. – Голос Тригиль доносился из второй консоли на камбузе. – И даже два, если захочется. Схемы Лофтлинга окупались достаточно хорошо, но Мэттис привел нас в два хранилища, которые Лофтлинг не взламывал. Здесь много всего, больше, чем мы смогли бы унести, но того, что мы уже вытащили на поверхность, хватит, чтобы принести нам тысячу пистолей, а может, и больше.

Триглав поднял бровь в знак признательности:

– Что за трофеи, Трис?

– В основном из последних пяти Заселений, может быть, на одно-два раньше. Тридцать листов призматического железного стекла – жестче, чем все, что мы видели. Красивая нефритовая шкатулка с парой дуэльных пистолетов, Империя Атома. Космический шлем, украшенный рогами. Меч, который сам учит тебя, как им махать. Половина робота. Пара черепов – Казарей думает, что сможет выжать из них хоть что-то. О, и... Так, тебе придется подождать. Капитан хочет поговорить.

– Привет, капитан, – сказал Триглав.

– Никто не претендует на наш шарльер? – спросил Ракамор.

– Подметала ничего такого не показывает, а мы его проверяем, как вы велели, – сказал Триглав. – Хоть какое-то занятие для Хиртшала.

– А как там Джастрабарск?

– Держится на расстоянии, как и подобает хорошему парню. Похоже, как только мы выйдем из-за стола, он будет рад перебрать наши объедки.

– Мы еще не вышли, – сказал Ракамор. – Продолжайте проверять. С интервалом в тридцать минут.

Хиртшал взглянул на Прозор, но ничего не сказал. Я не думаю, что они утруждали себя проверкой подметалы чаще чем раз или два за вахту.

– Ну конечно, – сказала Прозор.

– Рад это слышать, – ответил Ракамор. – Если подметала чист, я не вижу причин не рискнуть еще раз забраться под землю, как только мы немного отдохнем.

– Как вам будет угодно, – сказал Триглав.

– Да, и еще кое-что. Наши новые чтецы костей – достопочтенные сестры Несс. Казарей очень хочет получить от них весточку. Ничего новенького не случилось?

Я взглянула на Адрану, а Адрана посмотрела на меня.

– Все в порядке, капитан, – ответила я.

Но в моем голосе слышалось напряжение, которое я не могла скрыть.

– Неужели? – спросил Ракамор. – Никаких новых сообщений не поступало?

– Мы ничего не слышали, – сказала Адрана, и голос ее звучал гораздо увереннее, чем мой.

– Отсутствие новостей – это хорошая новость. Но Казарей говорит, чтобы вы продолжали слушать. Я знаю, бремя ответственности – тяжелая штука, но если есть что-то, в чем вы не уверены, – лучше сообщите мне. – Он издал такой звук, будто шмыгнул носом. – Ну ладно, у нас здесь достаточно работы. Я уверен, что оставляю «Скорбящую Монетту» в надежных руках.

– Будьте осторожны, капитан, – сказала я.

– Будем.

Когда Ракамор отключил связь, Триглав с резким стуком поставил свою кружку на магнитный стол:

– Ты казалась немного неуверенной в себе, Арафура. Или мне померещилось?

– Нам лучше пойти к костям, – сказала я, прежде чем он снова на нас надавил.

Как только мы оказались в комнате, я затянула колесо на двери, затем сняла мосты с крючков. Мои руки дрожали, и я не пыталась ничего скрыть от Адраны.

– Ты придаешь этому слишком большое значение, – взмолилась она. – Сигнал появился и пропал, больше я его не слышала. Казарей сказал, что такое случается постоянно.

– Мне все равно, что он говорит. Что бы это ни было, оно казалось неправильным.

– Да, оно неправильное, но где-то там, в Собрании. Не обязательно прямо на нашем пороге. Ты слышала, что они сказали? Подметала чист.

– Мы должны убедиться, – сказала я, бросая Адране ее нейронный мост и одновременно надевая свой. – Не будем тратить время на периферию. Подключимся к одному и тому же узлу одновременно.

– Казарей сказал, что это плохая идея.

– Его здесь нет. Если мы не проявим инициативу, никто другой не сделает это за нас.

Я взяла конец своей входной линии, конец линии Адраны и вставила их в тот же узел на черепе.

Адрана посмотрела на меня долгим ровным взглядом:

– Ладно. Попробуем. Но мы обе должны прийти к одному мнению по поводу сигнала.

– Хорошо, – ответила я, встретившись с ней взглядом.

Без лишних слов мы закрыли глаза и стали ждать, когда череп заговорит с нами.

Слышно было только тишину. Старые кости молчали. Через некоторое время мы решили попробовать несколько соседних узлов, на всякий случай, – вдруг фокус сдвинулся. Но они были так же мертвы, как и первый.

Много времени прошло в молчании, прежде чем я осмелилась пискнуть:

– Что-то не так.

– Знаю.

– Надо попробовать разные входы – вдруг эта проблема связана с тем, что мы подключились к одному узлу. Может, Казарей нам не все объяснил.

– Может... – с сомнением повторила Адрана.

Так или иначе, мы попробовали. Вернулись к старому способу и подключились к соседствующим участкам.

– Все еще мертв, – проговорила Адрана через некоторое время.

– Да.

– Я имею в виду, на самом деле мертв. – Она наклонилась и заглянула внутрь черепа через глазницы. Я увидела, как ее лицо омрачилось. – Что-то не так, Фура. Эти огонечки... мигальная пришельческая начинка... ее почти не видно. Мы его не сломали, а?

– Казарей предупреждал, чтобы мы так не делали, но не запрещал. Он сказал, что мы не готовы, – и это не значит, что такое невозможно. – Я взяла оба нейронных моста и повесила обратно на стену. – Если мы и виноваты, то лишь потому, что пытались помочь кораблю. Никто не сможет нас в чем-то обвинить.

Мы вышли из комнаты костей, затянув колесо с другой стороны двери, как велел Казарей. На камбузе Триглав и Прозор использовали кружки как игровые фишки, передвигая их по магнитным шестиугольникам стола. Это было похоже на игру, в которую дети играют в течение сезона, прежде чем она теряет новизну. Хиртшал как раз вернулся с мостика, где крутился подметала. Пальцы парусного мастера все перебирали головоломку из узлов.

– Мы хотели бы поговорить с Казареем, – сказала Адрана. – Включайте трещальник.

Триглав бросил игру, наклонился к консоли трещальника и переключил несколько массивных рычагов, покрутил круглые ручки. Из решетки динамика раздался шум помех.

– Капитан Ракамор? Говорит Триглав. Да, все хорошо. Просто ваши миленькие новенькие чтицы костей хотели бы потрепаться с мастером Казареем, если это не слишком затруднительно.

Голос Казарея звучал вполне дружелюбно.

– Привет. Хотите мне что-то сказать?

Триглав предложил мне подойти к консоли.

– Это Арафура, Казарей. Я здесь с Адраной. Мы только что вернулись из комнаты.

– И... есть новости?

– Мы не уверены. В прошлый раз с черепом все было в порядке, но теперь, похоже... он мертвый.

– Мертвый, – повторил Казарей. – И под «мертвым» вы подразумеваете...

– Мы подумали, с подключением что-то не так, – сказала Адрана. – Я буду честна: мы пытались подключиться к одному узлу. Мы хотели посмотреть, сможем ли усилить слабый сигнал...

Я услышала раздражение в голосе Казарея, но это не был упрек, которого я могла бы опасаться.

– Нет... это не повредило бы череп. Возможно, что-то не так с узлом, с проводами, которые ведут к мостам, или с самими мостами... но трудно понять, в чем дело. Вы попробовали запасной мост, который использовал я?

– Нет, – сказала я.

Это был очевидный шаг, который надлежало предпринять, и я мысленно отчитала нас обоих за упущение.

– Ну, тогда поторопитесь. Попробуйте другие узлы. Пусть пойдет одна из вас – другая может остаться у консоли.

Адрана посмотрела на меня. Никому из нас не нравилось находиться в комнате костей в одиночестве, но если кто-то и мог уловить слабый сигнал, то это была моя сестра.

– Адрана ушла.

– Хорошо, – сказал Казарей, и в его голосе все еще слышались напряженные нотки. – Ладно. Скорее всего, ничего плохого не случилось, просто где-то плохой контакт. Но давай вернемся назад. Ты упомянула слабый сигнал... вы его поймали после того, как мы говорили в последний раз?

– Нет, сэр. – Я сглотнула. – Что бы это ни было, оно было там раньше.

– Но вы же ясно сказали, что ничего не слышали.

– Так и было, сэр. – Внезапно мне показалось, что я присоединилась к команде только что и все недели, прошедшие после Мазариля, ничего не значат. – Он был очень неясный. Не сообщение, не слово. Просто... присутствие. А потом и оно исчезло. Теперь большинство огоньков внутри черепа погасло, и...

– Что ты сказала?

– Адрана заглянула внутрь, когда мы поняли, что он не работает. Огни погасли; во всяком случае, многие из них.

Казарей замолчал. Я услышала, как он разговаривает с Ракамором, как Ракамор отвечает, но не смогла разобрать ни слова. Руки у меня вспотели, ледяная струйка пробежала по хребту. Я не знала, допустила ли какую-нибудь ужасную оплошность или действовала как раз вовремя. Я посмотрела на дверь, желая, чтобы Адрана поторопилась.

– Это капитан, – сказал Ракамор. – Триглав, ты меня слышишь?

– Так точно, кэп.

– Я не хочу спешить с выводами. Но тот факт, что мы только добрались до шарльера и череп затих... Я не могу отмахнуться от этого как от совпадения.

– Подметала чист, – напомнил Триглав.

– Знаю, – спокойно ответил Ракамор. – Тем не менее нам могут понадобиться ионные, и очень быстро. Поручаю тебе и Хиртшалу разобраться с необходимыми приготовлениями.

– В чем дело? – спросила я у Прозор.

– Капитан боится, – прошептала она, – что кто-то мог нас подстеречь.

– В каком смысле?

Она не повысила голос:

– Дождаться, пока мы сделаем тяжелую работу, достанем трофеи из шарльера. А потом атаковать и украсть наш приз. Или попытаться.

– Но здесь больше никого нет...

Прозор посмотрела на меня:

– Молись, чтобы так оно и было.

Глава 6

Должно быть, я сотни раз проходила мимо этих черных ящиков, даже не взглянув на них. Если бы я приостановилась, чтобы поразмыслить – а я этого не сделала, – я бы предположила, что в них вода, сжатая дыхаль, детали скафандров...

– Философия капитана подразумевает путешествие налегке, и к оружию это тоже относится, – сказала Прозор, расстегивая ремни, чтобы вытащить верхний ящик из штабеля. – Но это не значит, что мы просто ляжем лапками кверху и примем любую участь.

Она расстегнула замки и со скрипом откинула крышку. Внутри, вместе с упаковочным материалом, лежала конструкция с ремнями и чем-то вроде маски.

Прозор вытащила штурковину и отложила в сторону.

– Португеей артиллериста, – объяснила она. – Надевай.

Потом открыла еще три ящика. Достала другие португеей, одну надела сама: сперва застегнула ремень на талии, потом – еще два, пересекающие грудь по диагонали. Маска держалась на шарнирах, ее можно было поднять или опустить на лицо.

У португеей были две раздвижные опоры, похожие на подлокотники кресла, и на конце каждой имелось нечто вроде рукояти револьвера.

Я скопировала то, что делала Прозор.

– А где само оружие?

– Снаружи. Это та его часть, которая целится и стреляет. Открой вон те ящики и принеси мне еще две штуки.

Прозор протянула руку и опустила маску мне на глаза. Это была пустая металлическая пластина, изогнутая таким образом, что справа и слева я теперь ничего не видела. Прозор нажала какую-то кнопку на левом рукаве моей сбруи, и маска как будто разрослась, заслонив мое поле зрения целиком.

Вокруг меня была чернота, которую постепенно усеяли звезды.

– Теперь оглянись. Двигай головой и всем телом.

Я дернулась в одну сторону, и передо мной возник мир-шарльер, а под ним виднелась часть «Монетты». Я повернулась еще немного и увидела пурпурно-голубое мерцание Собраний. На корпусе корабля, точно следуя моим линиям прямой видимости, поворачивались дула орудий.

– Чувствуешь этот спусковой крючок? – Прозор прижала мой указательный палец к твердому металлическому стержню в рукоятке. – Одно нажатие – вот и все, что требуется. Работает в любом месте внутри корабля, в пределах разумного. Стреляет магнитными снарядами, пять лиг в секунду. Используй их экономно, или сожжешь катушки до того, как у нас закончатся снаряды.

– Наверное, урок стрельбы стоило провести несколько недель назад.

– Не моя проблема, детка. Вот что бывает, когда заставляешь капитана Рэка нервничать.

– Фура.

Я подняла маску. Адрана вернулась из комнаты костей. По выражению ее лица я поняла, что хороших новостей нет.

– Без изменений?

Если у нее и были какие-то вопросы по поводу моей сбруи, она их отбросила.

– С мостом Казарея все то же самое. Я перепробовала все входы. Такое ощущение, что череп вообще никогда не был живым.

– Может, мне стоит попробовать...

– Я же сказала, он сдох, – перебила Адрана, и мне пришлось кивнуть, признавая, что кости теперь для нас бесполезны.

Прозор уже собирала портупей:

– Забудьте про череп. Помогите мне с этим. Можете каждая взять по одной.

Когда мы вернулись на камбуз, Триглав как раз возвращался с мостика.

– Вокруг по-прежнему пусто, – сказал он, а потом уставился на меня. – Вижу, у нас новый стрелок.

Прозор подошла к консоли и повозилась с рукоятками:

– Кэп?

– Я тут. Есть воодушевляющие новости?

– Триглав говорит: подметала чист. Но кости по-прежнему мертвы.

– Уверена? – спросил Ракамор.

Адрана наклонилась к консоли:

– Никаких сомнений. Я перепробовала все, что смогла придумать. Что вы теперь будете делать?

– Мы вернемся. Казарей обеспокоен, и мне других причин не надо.

– Мы с Хиртшалом наденем скафандры, – сказала Прозор. – Сможем быстрее затащить вас внутрь.

Она щелкнула выключателем и отвернулась от консоли:

– Лучше надейтесь, что это не окажется какая-нибудь ерунда, иначе вы обе стоили капитану немало часов работы в шарльере.

– Почему Казарей так переживает? – спросила я, ощущая в происходящем некий скрытый смысл, который никто не хотел обсуждать.

– Нечто подобное уже случалось, – сказал Триглав, настороженно косясь на своих коллег. – Череп, мощный череп – с мощным чтецом костей – может вырубить другой, расположенный поблизости. Заглушить, как это могло бы получиться с трещальником. Или убить нас всем, как если бы в схему попала молния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.